

Ольга Малковица

НЕБО

18+

Просто подними голову

Ольга Дмитриевна Малковица

Небо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56100575

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-98968-9

Аннотация

Интересно, а можно ли описать свою смерть и возможно ли это в принципе? И речь сейчас не о старухе с косой, в чёрном. Ее описывали многие, невзирая на времена и нравы, национальность и пол, всюду она представала со своим чарующим, омерзительным ликом таким же неизменным, как и время. Но возможно ли описать то чувство, которое испытываешь умирая? Парадоксально, но наверное, никогда не родится человек, которому это было бы под силу. В последние минуты тело подводит, или обстоятельства не позволяют раскрыть всю прелесть полета.. На страницах этой книги впервые показана неприглядная, но манящая правда о жизни тех, кто давно уже умер..

Содержание

Пролог	7
Глава 1	8
Боль.	8
Глава 2	14
Эффекты.	14
Глава 3	21
Ладони.	21
Глава 4	28
Воздух.	28
Глава 5	31
Конец.	31
Глава 6	33
Стекла.	33
Глава 7	37
Смерть.	37
Глава 8	40
Крыша.	40
Глава 9	44
Цветок.	44
Глава 10	48
Снег.	48
Глава 11	51
Город.	51

Глава 12	58
Руки.	58
Глава 13	60
Любовь.	60
Глава 14	64
Лёд.	64
Глава 15	67
Глава 16	68
Глава 17	69
Мама.	69
Глава 18	71
Небо.	71
Глава 19	79
Волосинки.	79
Глава 20	81
Глава 21	85
Духота.	85
Глава 22	87
На крыльях.	87
Глава 23	93
Улыбка.	93
Глава 24	97
Бог.	97
Глава 25	103
Выбор.	103
Глава 26	104

Лёгкость.	104
Глава 27	109
Полетели.	109

Ольга Малковица

Небо

Все персонажи и события этой книги являются вымышленными.

Настоящей книгой автор не пропагандирует и не превозносит описанный образ жизни.

Книга не желательна к прочтению для лиц, не достигших восемнадцати лет.

Пролог

Безумство сумрачным закатом
Вновь накатило обжигая,
Была б врагом твоим заклятым
Тогда бы знала, что жива я.
Но я – мертва:
Как сон умершей,
Как руки, павшего в бою,
Но я – одна
И вздох сошедший,
С губ катится, в ночном дыму.
Тогда бы знала, что жива я,
Вонзая острый длинный нож
И капли крови проливая,
И понимала б – не придешь.
Стеная б, вспоминала крики
И руки шелком обтирая,
Я б знала:
Мы с тобой убиты,
Но понимала б, я – живая.

Глава 1

Боль.

Иногда в жизни случается то, чего нельзя предвидеть. Вот сидишь ты дома, слушаешь, как льет дождь и вдруг, пара мгновений и все разрушается прямо на твоих глазах: тепло, красота, жизнь. Скучно смотреть в окно просто так, но иногда так подолгу смотрит тот, кто не в состоянии видеть.

И в этот день я, как и обычно, была наполнена воздушным счастьем того, что имею. Пусть это было не так много, это были ни миллионы, ни даже тысячи денежных знаков, ни слава, ни признание почитателей, ни власть над кем-то или чем-то, это было простое, тихое счастье. Конечно, я совру, сказав, что оно было совершенно безоблачным, нет, увы, не было, но, как известно, красивое небо никак не может быть заурядно голубым или синим. Красивое небо, то, что мы видим на картинах и в описании поэта, оно непременно, обязательно с облаками.

Так было и у меня с моим счастьем. Его карие глаза всегда вселяли надежду, силу, уверенность в том, что я особенная, что весь мир принадлежит мне пока он рядом.

Мое сегодня мало отличалось от вчера – я, как и каждый день, ждала любимого звонка, но он не раздался, его не бы-

ло. Никто не позвонил. Сложно сказать, что заполнило вдруг все внутри: это была и надежда, и слепое неверие в происходящее. Стоя у окна, я судорожно считала проезжающие машины, отмечая то похожую модель, то цвет, но никто не приезжал. К горлу то и дело подкатывали рыдания, на глазах выступали слезы. В голове начали всплывать какие-то нелепые воспоминания, но этого не может быть, чтобы этот глупый холодный сон был правдой. Мне приснилось намедни, что мы больше не вместе, что последняя наша встреча из банальной ссоры разразилась в шквал обвинений и обид. Что был за повод я даже и не помню, помню только наши дикие укоры и жестокие обиды. Уже много дней до этого нам не о чем было разговаривать и хоть я и не хочу признаваться в этом, но в твоих глазах я читала только пустоту. Я знала, что все закончилось, чувствовала, но не могла все изменить, позволить себе навсегда утратить прежнюю жизнь.

Человеческие отношения, что может быть более странным?! Ведь люди в принципе не способны на понимание. Как можно понять другого, если ты не он? Все религии мира учат терпимости, милосердию, смирению и ясно почему, ведь все проще чем кажется: никакого «понимания» не существует. Оно не доступно для наших затемненных разумов, для наших таких разных душ. Довольно забавно слышать от человека фразу вроде «я все прекрасно понимаю» – ведь это просто не в его силах. И здесь дело не в каких-то способностях, уме или чувственности. Сама природа не наделила

нас пониманием. Она оставила нам право довольствоваться догадками или обманываться ими же. Так и происходило со мной. Конечно, он позвонит мне. Завтра, а может послезавтра, но все произойдет, обязательно. И я снова почувствую то непреодолимое счастье, безысходность в его объятиях. В этот вечер, как и во многие следующие, так и ничего не дождавшись, полная грез о предстоящем счастье, я видела все те же сны. Мне снилось, что мы, взявшись за руки, красивые и единые идем по большому маковому полю и смотрим куда-то вверх, на голубое-голубое небо. Почему-то во сне небо наделяется фантазией какой-то особой красотой, которой в реальной жизни нельзя заметить, то ли в силу нашей невнимательности, то ли в силу того, что мы просто на него не смотрим. В моем сне небо было мною, оно заполняло меня словно воздух легкие, казалось оно даже имеет запах, запах который я описать не в силах. Возможно, так и пахнет небо – неопишимо. Наверное, этот запах можно сравнить с тем, который чувствует наше обоняние в моменты счастья: едва уловимый, но ударяющий в голову, пьянящий и окрыляющий.

Еще одно утро еще одного дня, я давно не вела им счет, встретило меня радостными лучами солнца, сползающими словно смола, по моему лицу. Уже полдень, я как и всегда сплю долго. Иногда даже жаль, что столько времени трачу на сон. И все же, как хорошо, что прошла ночь. Сегодня, все точно будет по-другому. Однако, как и все последнее вре-

мя, ни сегодня, ни через день, ни даже через два дня ничего не менялось. Мрачные подозрения стекались одно за другим, медленно и лениво в моей голове. Все рухнуло, когда я встретила на себе взгляд мамы. Это был взгляд, которым смотрят на тех, кто испытал что-то страшное, взгляд полный любви, скорби, опасения. Внутри все забурлило, что-то щёлкнуло и как яркая молния в памяти пронеслось все. Это и есть правда, не сон, все закончено. Жизнь оказалась у своего закономерного завершения. Мигом, я почувствовала, как земля уходит из-под моих ног. Все мои страхи ожили и закружились вихрем, ослепляя, руки обмякли и повисли. Невероятным усилием воли я заставила себя выйти из комнаты, скрыться от посторонних взглядов, и, прикрыв за собой дверь, безжизненно рухнула на пол. Стены неслись перед моими глазами. Значит все это, правда! Я столкнулась лицом к лицу с парадоксом: из моей жизни ушла жизнь, но я была жива, из воздуха пропал кислород, но я дышала!

Я сжимала побелевшие холодные руки в слабые кулаки, впивалась ногтями в ладони до тех пор, пока рыдания не разразили меня. Слезы все лились и лились, чувства сменялись одно за другим. Отчаяние, боль, злость, любовь...

Отчаяние медленно растекалось по телу, будто бы кто-то вколол его в мои вены, и оно лениво скользило внутри, неприятно шевелясь, словно едкие нити. Боль сковывала пальцы рук, давила в виски и как будто дополняла колючую злобу, клочущую где-то в горле. А любовь, свернувшись

калачиком, где-то в районе живота тихо скоблила меня изнутри. Как быть готовой к тому, чего не может быть, но оно все-таки произошло? Как смириться с тем, чего нет?

Кажется, мы были вместе столько, сколько я помню саму себя, только себя ли я помню? Как важно было все, что ты говоришь, какая это была непреложная истина, и сколько всего было забыто для тебя. Я влюбилась в тебя еще девочкой и долго не могла признаться себе в этом. Я видела, что ты тоже любишь меня, но ты был холоден и грубо отстранял меня. Тогда я стала ждать. День за днем я медленно преодолевала очередной рубеж чтобы, наконец, завоевать твою любовь и это случилось. Однажды, ты был сломлен и я оказалась в твоих объятьях. Глупый ребенок! Но как же я была счастлива!

Прошлое как огненное колесо прокатилось перед моими красными глазами. Жизнь обрела живучесть трупа. Дни превратились в ад замедленного действия. Тиканье часов раздражало, ведь время не двигалось с места. Оцепенение овладевшее мной, молчание сковавшее меня, пелена спустившаяся на мои глаза, все это стопорило его, заставляло безжизненно застыть. Говорят, время лечит. А я все там же, все та же, на том же поле маков, в красном платье. В руках охапка счастливых маков, за спиной ты.

День за днем, я словно призрак слонялась по квартире. Сознание покинуло меня. Я забыла что значит есть, поддерживая себя только водой. Я не могла и не хотела никого ви-

дочь. Я больше не плакала. Каждодневная процедура расчета машин за окном, превратилась в своего рода ритуал, после которого меня неизменно тошнило, и в жару, в бреду я засыпала под утро. Раздраженная, нелюдимая к окружающим, в редкие минуты просветления, я радовалась, что живу одна, и никто не видит, как угасает во мне жизнь. Страшно, глупо, одиноко так существовать.

Глава 2

Эффекты.

«Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь»

Библия, Ветхий Завет, песнь песней Соломона, Глава 8.

Можно ли начать жизнь с чистого листа? Стать другим человеком? Как перечеркнуть все, что до сих пор составляло воздух. Мысли не дают мне покоя. Ты течешь по моим венам, беспрестанно щекочешь под кожей. Будоражишь то и дело, всплывая в моей памяти. Время ни на секунду не хочет остановиться, чтобы дать мне подумать. Так хочется найти, наконец, способ не пускать тебя в свои легкие.

На помощь пришли клубы и дно стакана, в котором при желании можно утонуть, но какая-то незримая тяжесть и усталость была в этом. Да и все равно сердце стучало под твой аккомпанемент, и дни тянулись, словно в замедленной съемке. Иногда я вспоминаю, как ты играл, постукивая костяшками пальцев по гитаре, и кажется, под этот ритм я и продолжаю свою жизнь.

Жизнь. Для большинства людей это всего лишь длинная

череда ожиданий: они работают, учатся, копят деньги, ходят в спортзал, общаются и всё, чтобы когда-нибудь, когда настанет момент начать жить и наконец, стать счастливыми. Никто не знает, когда настанет момент и главное, настанет ли вообще, но большинство людей оптимисты, хоть и не признают этого. Их жизнь может быть несчастной прямо сейчас, но они всегда продолжают в глубине души надеяться, что вот завтра или послезавтра, а может даже через год, да пусть и дольше, они готовы ждать, в итоге все изменится и они будут счастливы. Для других жизнь это постоянный поиск, тут уж кто во что горазд. Одни ищут богатства, другие любви, славы, но ведь в сущности все очень просто: любые человеческие чаяния обусловлены всего лишь нашим тщеславием. Люди куда большие эгоисты, чем думают. Никто не хочет любви в чистом ее виде, любви бескорыстной ради кого-то, а не ради себя. Все хотят чтобы любили их и это, прежде всего. Никто не хочет дарить свою жизнь просто так, все хотят получить взамен чью-то. Конечно здесь каждому свое: кого-то удовлетворит простая страсть, кого-то нежность, кому-то будет достаточно привязанности, но не найдется того, кто согласится не получать взамен совершенно ничего. Если ты вдруг существуешь и готов пойти на это, считается, что твоя любовь не настоящая, несчастная, уничтожающая и крайне унижительная. Конечно я всего лишь такой же человек, как и все, жаждала такой же взаимной любви и я не получала ее. Под холодными твоими взглядами я лишь бод-

рилась, как под контрастным душем, и тешила себя надеждой на то, что все еще будет, что в один прекрасный день я проснусь любимой, и я уже воображала, что все так и есть. Сила моего воображения настолько велика, что моментами, я была абсолютно счастлива. Мне казалось, что я подхвачена порывистым ветром и порхаю над домами, людьми. Я знала наверняка, что это неправда, но самообман как сильнодействующий наркотик обещает долгожданное счастье, продолжая утягивать в бездну, края которой нет.

Теперь я лежала на дне этой бездны, той самой, у которой нет края. Мне больше нельзя было пить твои взгляды, читать в них страсть, нельзя было видеть твои улыбки и слышать смех. Я больше не могла трактовать твоё молчание, не слышать твоих слов, не обращать внимания на то, как обижаешь меня. По ночам я больше не глотала свои беззвучные слезы, не упрекала себя в несуществующих недостатках, не падала на колени перед алтарем своей любви. Звук твоего сердца не ласкал слух, отсутствие резало его. Меня ломало словно прожжённого, изжившего себя наркомана. В глазах читался только ты, как единственно верный способ прожить еще хотя бы пару часов. Изнутри что-то еще подталкивало, говорило, что пора начать новую жизнь, отдаться в плен еще чему-то. Ведь я как раб, потерявший хозяина, больше не мыслила, как жить самостоятельно и казалось, кем бы ни был мой следующий тиран, я с благоговением повешу на себя его цепи.

И теперь, я не стала выбирать среди людей, потому что

чувствовала, я чужая среди них. Тело стало непослушно, в груди что-то побрякивало, холодило и отслаивалось, словно старая кожа. Необходимо было что-то, что снова заставит мою кровь жить, течь по венам, а не ползти. Здесь я пошла с самого низа, предпочтя простые вещи сложным, людям – вещи. Алкоголь слишком предсказуем, ты пьешь, чувствуешь эйфорию, затем депрессию, затем снова эйфорию, это надоедает. Мне нужен был секс, безмятежность и тысячи разрядов возбуждения. Что мне могло дать все это, я поняла не сразу.

В мои усталые руки были вложены разноцветные, синие, красные, черные, розовые; сыпучие; вдыхаемые и проглотаемые эффекты. Волшебство, одним словом.

Однажды черно-белым утром, в старой кофейне у дома, я встретила его, того, кто навсегда изменил мою жизнь. Было немногочленно, светло, кажется часов семь утра. Угрюмый, скрюченный, будто бы от смертельной болезни, он подкрался ко мне и навсегда предложил изменить всем моим чувствам, забыть все то, что было дорого раньше. Я легко сделала это.

Это был необыкновенный день. Этот человек казался мне невероятно интересным, загадочным и притягательным, как долгожданное счастье, вдруг ворвавшееся в мою жизнь. Я предвидела и смаковала момент когда я смогу зализать свои раны.

Впервые, мы условились о встрече, он приехал за мной вовремя, я села в салон машины, насквозь пропахший его пар-

фюмом, кожей и пряным мускусом его тощего тела. Воздух словно был наэлектризован, но в тоже время холоден и чист. Почему-то я почувствовала себя нелепо в своей тщательно подобранной одежде, окутанная сладковатым запахом духов, которые были как будто неуместны, и вдруг стали совсем противны и приторны.

Мы говорили всю дорогу ни о чем: то о религии, то о сексе, нам нечего было сказать друг другу, но я не могла оторвать от него глаз: сильный, словно выточенный из холодного камня, строгий, колючий, невероятно притягательный и отталкивающий одновременно.

Мы приехали куда-то в заснеженные поля. Вышли из машины и сделали по глотку виски. Я все еще чувствовала себя нелепо. Я вдруг поняла, что безумно хочу его. Чувство было странное, потому что одна мысль о том, чтобы быть с ним, была с родни мысли чтобы быть с самим сатаной. Словно навсегда отречься от всего хорошего, отказаться от света, быть поглощенной тьмой.

Он не смотрел на меня, словно был разочарован нашей встречей, мне подумалось он, не переставая, задавал себе вопрос: что он вообще здесь делает со мной.

Становилось все более неуютно физически, но в то же время хорошо и легко, я будто бы в один миг опустела. Я почувствовала, что могу не притворяться при этом человеку, все слова были лишними, даже взгляды и движения были бессмысленны. Мы застыли как безликие камни, но внутри

нас звучала музыка. Наша музыка не вторила друг другу, отнюдь, лишь далеким эхом, тихими переливами бряцающих цепей, отдавалась где-то в потаенных глубинах наших совершенно чужих друг другу сердец.

Прогулка начала казаться мне бесконечной. И вдруг сама того не ожидая, я обхватила его обеими руками и тесно прижалась к нему всем телом. Так мы простояли еще какое-то время, затем сели в машину и уехали. Мне хотелось навсегда сохранить это чувство блаженного покоя, разбиться вместе с ним, исчезнуть в глубине его каменных рук. Он был непроницаем, словно не замечал меня. Ах, как это не похоже, не похоже ни на что! Я бы могла так ехать с ним бесконечно. Не знаю, сколько времени мы колесили по темному городу. Мне не хотелось никуда идти, но я ведомая невидимыми ниточками, повиновалась и ночь прошла в диком беспамятстве и сладкой неге от пережитого. Спасение – я нашла тебя.

Теперь, каждый день начинался по-новому. С разноцветного порошка или таблетки, мир окрашивался в невообразимые тона, кровь бурлила, и хотелось идти дальше. Идти, и ни за что не останавливаться. Словно, если я замру хоть на миг, то от меня не останется и пепла, словно надо мной занесена рука с кровавым мечом судьбы, готовая в любой момент нанести смертоносный удар. Поэтому я мчалась без оглядки, сметая все на своем пути: жалость, боль, слезы, других людей.... Теперь ничто не интересовало меня. Все только проносилось мимо, а я как пассажир скоростного поезда, стара-

лась не уснуть, пропуская перед глазами череду картинок.
Мир не мешал мне, он закрыл глаза и не видел меня.

Глава 3

Ладони.

Говорят, жизнь такова, какой мы делаем ее сами. Да, наверное. Проснувшись в чужой комнате и увидев чье-то расплывчатое лицо, я вспомнила тебя. Невероятно. Жизнь невероятна.

Да. Мы с тобой закончились, как заканчивается яд, как с клинка медленно сползает загустевшая кровь. И сейчас я, в доме какого-то человека, с головой полной омертвевших клеток и дурным запахом изо рта. Кто это? А это не имеет ни малейшего значения, ни конкретного смысла. Давно ли моя жизнь стала такой? Мне кажется, другой у меня и не было. Потоки мыслей заполняют голову и рвут мою память на мелкие куски. Остается только вспомнить, как страшно и как щекотно внутри, когда там не остается ничего, ничего кроме пустоты.

Не могу назвать какую-то отдельную причину, просто усталость. Просто я несмотря ни на что хотела бы быть с тобой. Я вырвала тебя на живую, а точнее ты вырвал себя из моих лап. Ты всегда говорил что любишь. Вот так жизнь натолкла меня носом. Небо наверху, наверху, а не здесь. И оно не может быть под нашими ногами. А я не верю что это так!

Ведь я по нему топталась, ведь там есть мои следы!..

Но ты не оставил мне выбора. Все что я могла поменять в себе, я поменяла для тебя, больше просто невозможно. Я бы сказала, что я титан изменений, я скроила себя для тебя и перешла вдоль и поперек, а ты так и не понял. Моя мечта это твоё полное исчезновение, я бы хотела сожрать твой прах, чтобы тебя не было в этом мире, а лучше и в том, чтобы никогда-никогда не было тебя в моей жизни. Всё. Стараюсь изо всех сил. Пусто. Время теперь не дружит со мной, ты знаешь, а я так мечтаю, чтобы оно остановилось в твоих объятиях. Как я мечтаю, чтобы боль застыла на твоих губах, чтобы ты больше никогда не был. Нельзя желать человеку плохого. Судьба – бумеранг, и все вернется. Что ж. Говорят, время лечит. Возможно, и меня вылечит. Бродить по улицам полным людей, заходить в клубы и бары, просыпаться все время ничьей, вот он вкус жизни. Той жизни, которую я выбрала для себя теперь. Ты всегда говорил, что я смогу все, и что без тебя я буду, буду жить, да. Ты прав. Я живу. Живу. Но только я об этом не знаю.

Взгляды прохожих и мое изможденное новым счастьем лицо в зеркале. Все это мое теперь. Ну что ж, ничего. Ничего! Говорят, что все проходят через это. Говорят, что любимые возвращаются. Только к кому?!

Мне кажется, я схожу с ума. Твое лицо давно расплылось в моей памяти, но я помню то счастье, которое я чувствовала. Я помню то, чего нет. Ты заставляешь меня жить пара-

доксом. И чтобы сейчас не текло в моих венах, медленный яд аксицитомина или амфетамин, никто не отнимет у меня то, чего не было. Я чувствую, как внутри гниет мое сердце. А во снах ко мне приходит она, та, что ушла вместе с тобой. Она колит меня иголками и говорит, что боль не уйдет никогда. Я из раза в раз убиваю ее. Медленно погружаю огромный нож в нее сотни, тысячи раз и снова встречаю ее. Каждую ночь вижу этот кошмар, каждую ночь проклиная день нашей встречи и благословляю одновременно.

Я ничего не чувствую, когда горечь алкоголя течет по горлу, я ничего не чувствую в бессознательном движении тела, будь оно медленным или быстрым. Я не вижу рук обвивающих его, мне плевать на них, ведь они не твои, а если не ты, то хоть весь мир, что мне с того.

Знаешь, мне иногда кажется, что гниль в моей груди будет брыкаться до тех пор, пока ты дышишь. Может поэтому, я так желаю твоей смерти?!

Люди. Друзья. Похвала и комплименты. Можно тешить свое тщеславие сколько угодно. Можно смотреть по утрам в зеркало и ужасаться, ведь в зеркале не я. Труп! Труп без признаков жизни. Но к счастью, люди так глупы. Создана масса всего, что сделает меня в глазах стада лакомым кусочком. Макияж, улыбка и все. Я воплощение жизнелюбия и красоты. Так, как хотел ты.

Жизнь счастливой меня.

Больше я не смотрю на мир через призму тебя. И отто-

го-то он стал серым и невзрачным, ярким только в свете клубного дыма и через стакан с прозрачным льдом водки и розовым безобразием, вдыхаемым мной. Я помню тебя. Волосы под моими пальцами: гладкие, толстые, бархатные. Я помню каждый миллиметр тебя. Приходя в мою голову, эти мысли несут меня потоками бесконечных рук, рук не твоих; и так день за днем. Какой сегодня день, какое число? Это не имеет значения. Я снова среди миллиардов, и я снова одна.

Интересно, что та самая апатия, которую я так долго ждала, наконец, пришла и именно сейчас. За окном дождь. Тот редкий день, когда от меня не несет чужой любовью. Тот редкий день, с кружкой черного чая и с лицом трупа. День наедине с собой. Зеркала накрыты. В моем доме как будто кто-то умер. Ну это же смешно! Дом с трупом. Ведь мир так прекрасен!

Из моей жизни ушел только ты, а кажется, что я осталась совершенно одна.

Не хочу я ничего! У меня есть все, но нет, нет ничего! Да как же я устала! Все эти дурацкие улыбки слова, это невыносимо! Когда ад успел открыть для меня свои объятия? Когда я запуталась в собственной квартире и потеряла там обрывки себя? Как? Как это вышло?

* * *

Как тяжело мертвецу среди людей
Живым и страстным притворяться!
Но надо, надо в общество втираться,
Скрывая для карьеры лязг костей...

Живые спят. Мертвец встает из гроба,
И в банк идет, и в суд идет, в сенат...
Чем ночь белее, тем чернее злоба,
И перья торжествующе скрипят.

Мертвец весь день трудится над докладом.
Присутствие кончается. И вот —
Нашептывает он, виляя задом,
Сенатору скабресный анекдот...

Уж вечер. Мелкий дождь зашлепал грязью
Прохожих, и дома, и прочий вздор...
А мертвеца – к другому безобразью
Скрежещущий несет таксомотор.

В зал многолюдный и многоколонный
Спешит мертвец. На нем – изящный фрак.
Его дарят улыбкой благосклонной

Хозяйка – дура и супруг – дурак.

Он изнемог от дня чиновной скуки,
Но лязг костей музыкой заглушон...
Он крепко жмет приятельские руки —
Живым, живым казаться должен он!

Лишь у колонны встретится очами
С подругою – она, как он, мертва.
За их условно-светскими речами
Ты слышишь настоящие слова:

«Усталый друг, мне странно в этом зале». —
«Усталый друг, могила холодна». —
«Уж полночь». – «Да, но вы не приглашали
На вальс NN. Она в вас влюблена...»

А там – NN уж ищет взором страстным
Его, его – с волнением в крови...
В её лице, девически прекрасном,
Бессмысленный восторг живой любви...

Он шепчет ей незначащие речи,
Пленительные для живых слова,
И смотрит он, как розовеют плечи,
Как на плечо склонилась голова...

И острый яд привычно-светской злости
С нездешней злостью расточает он...
«Как он умён! Как он в меня влюблён!»

В её ушах – нездешний, странный звон:
То кости лязгают о кости.

А. Блок, из цикла «Страшный мир», подцикла «Пляски смерти», 1912г.

Глава 4

Воздух.

Утро нового дня. Теплые руки, за окном слышу дождь. Вокруг мягкий свет, все та же вонь. Рядом лицо. Чье? Неважно. Встав, одеваюсь и быстро ухожу. Кто-то окликнул меня. Мразь! Неужели думает, я останусь? В мутных глазах художавого наркомана вижу печаль.

– Ты... ты уходишь?

– А что? – меня тошнит от него.

– Ну знаешь, мы могли бы вместе сейчас пустить, потом погулять ну или что захочешь..

Не слушаю, мне все равно, что он говорит.

– Меня бесит твоя собака... – бросаю взгляд на некрасивого питбуля сидящего у порога – убей его.

Тишина. Она висит над нами долго, криво и неумело.

Ухожу. В лифте снова вонь. Как же все-таки противно.

Зовет меня обратно, ну что ему надо?!

Вернуться?

Вернулась.

На пороге дергающееся мясо, все заляпано вокруг, воняет железом. Кровь. Он стоит с опущенной головой, в руках кухонный нож. Так нелепо.

– Я остаюсь. – зачем-то сказал я.

Дверной замок защелкивается за мной.

Растянутая майка на моем теле и я абсолютно расслаблена. Интересно, как его зовут, совершенно не помню.

– Слушай, а зовут то тебя как?

– Называй меня Силой.

– Ок, вопросов нет.

Мы медленно и долго лежим на полу, собирая мысленные пазлы. Сила неровно дышит и смотрит на меня. Мне хочется облизать его, всего. Словно он большой сладкий леденец, твердый, липкий и холодный и странная жадная сладость побежит от кончика языка до самых кончиков пальцев, если я только коснусь его. Не хочется шевелиться, воздух тяжело давит на грудь, мерзнут ноги и пересохло в горле.

Скучно. Несет шприцы. А я ведь никогда не пускала по вене. Ну что ж, пусть для меня сегодня день открытий. Он аккуратен. Так красиво перевязывает мою тонкую руку жгутом. Он как будто спасает мне жизнь, жизнь отнятую тобой. Больно. Прохлада. И я чувствую, как по моим венам разливаешься ты и только ты. Мечты распускаются передо мной единым цельным бутоном. Как много красок в мире! И зачем я только думала что это смерть? Эмоции, смех, люди, все это мое, и это прекрасно! Прикосновения как шелк, бархат слов и мысли, словно тонкие нити, переплетают меня со всех сторон. Я люблю жизнь, я люблю тебя! Когда-то запомненное мной ощущение ветра в лицо, оно снова здесь, ты вновь со

мной. Закружило, завертело. Как же я счастлива. Глаза Силы так сияют, как раньше я не видела этого света? Он как ты, а ты со мной, как и прежде. Тепло по всему телу до кончиков пальцев заполняет, идет, идет снизу вверх, снизу, вверх, бесконечно.

Холодно. Утро. Кто-то рядом дышит мне в затылок. Вонь. Вонь невообразимая. На теле майка, мятая. Кто-то рядом. Встаю. В коридоре труп собаки и зловонные лужи крови. Где я? Нужно бежать отсюда. Домой. Хочу домой.

Бреду по улицам. Ломит руки. Ты снова в моей груди. Спросишь, что было, а я не знаю. А разве это важно? Важно лишь то, что ты не собираешься покинуть меня, почему-то, и где бы я ни находилась, ты наблюдаешь за мной, ты спрашиваешь и говоришь, ты требуешь от меня ответов, хотя во все и не задаешь вопросов, ведь на самом деле тебе плевать. Как больно, как противно, как я устала.

Глава 5

Конец.

Иногда, кажется, что жизнь подошла к концу. И так думала я, собираясь на очередную встречу со своим так называемым «другом». В такие моменты кажется, что ты где-то за гранью, что жизнь идет, но ты не живешь, делаешь что-то, но вроде и не ты. Тщетно убеждаешь себя, что все в порядке.

Натянув хлопковое зеленое платье на голое тело, и собрав волосы в подобие хвоста, я, с лицом самым равнодушным, вдохнула пасмурный воздух улицы. Осень. Нет ничего хуже, пожалуй. Только одно слово приходит в голову «сморд». А вот и он. Мой «друг». Как и всегда – неотразим. Пахнет. Легкий и невесомый он выпорхнул из-за угла ближайшего дома, такой неопишимо бездушный и пустой. Ах, иногда, мне кажется – я обожаю его.

В его квартире. Я сжимаю в руках бутылку холодного пива, его майка на мне и пахнет его телом, между ног я держу плюшевого пса. Ненавижу собак! Мягкий свет струится по комнате. Как же я люблю такие моменты. Есть в них что-то волшебное. Когда сидишь, вот так, запросто, не боясь, как на тебя взглянут, что подумают, не чувствуешь этой первоизданной любовной дрожи. Чувствую, как холодные нотки стру-

ятся по горлу, чувствую мягкость плюша между коленями. Замечательно – здесь самое подходящее слово. Хочется нежности. Хотя нет. Нежность уже витает повсюду. Казалось бы, в комнате двое: небрежные позы и полуголые тела, но нет напряжения. Есть искры, ток, но это скорее ровный огонь, чем открытое пламя, и нежность: ее пары щекочут ноздри. Нежность чужая, нежность, вне тебя, сквозь меня.

Я не знаю, когда именно закончилась моя жизнь. Что было бы, если бы ты пришёл. Я вижу это как картинку, на которой соединяются паззлы. Наверное, прикоснувшись к твоим губам, я почувствовала бы боль. Твоё тепло как будто совсем ушло, но это обман. Оно незримо и повсюду. Что ты для меня? – Незавершенный вдох, конец, гибель. Как странно. И как хочется снова ощутить на своём теле твоё, но и из тысячи слов не сложить прикосновений. Так же как из океана слёз не выстелить дорогу к счастью. Вот и захлестнуло быстрое, его не повторить, но и та сладостная свобода, ядовитое бесстыдство, познанное мною с такой жадностью, несравнимо ни с чем. Как лёгкое опьянение, его запах и прикосновения всё ещё на мне. Я всё ещё вижу на себе этот взгляд, я всё ещё чувствую искры где-то чуть пониже живота и опустошающее голову равнодушие. Это была свобода, это был ветер. Банально, но всё же неповторимо. А ты, всё сидишь в моей груди, повторяешь в моей голове свои объятия. Пишу, и твой запах проносится мимо. Но я не люблю тебя, ты стал моим сном, моим личным кошмаром.

Глава 6

Стекла.

Каждое утро бессознательно и верно, превращается после таких встреч в какой-то бред. Нужно вставать и ничто не заставит сделать меня это. Как надоело быть упрямой. Как надоело идти на встречу чему-то, но не себе. Звонок. Беру трубку. В ней, заспанный голос, голос того, кого я вовсе не знаю. Сила. Это он. Выглядываю в окно, его машина приветливо мигает фарами. И зачем он приехал?! Спускаюсь в одном белье. Холодно. В машине. Жара.

– Сила, отвези меня на мост, – не знаю, зачем я просила об этом.

– Едем. Но зачем?

– Хочу на мост.

– А, ясно. Ок.

Едем. Открываю окно. Ветер в лицо. Так приятно! Так было уже когда-то, когда мы с тобой шли, держась за руки, глотали соленый морской воздух. Как мало произошло и как много. Как красиво и страшно. Я знаю, то был единственный раз, когда я дышала, все остальное время я просто задыхаюсь: до тебя, с тобой и сейчас. Только тогда был воздух, а сейчас, только скорость, запах от «Диор», скрюченный силу-

эт в дорогом шмотье и бешеный, бешеный ветер в лицо.

Приехали на мост.

– Оставь меня Сила. Хочу побыть одна.

– Зачем?

– Просто хочу.

– Ты... Ты только не делай ничего без меня, знаешь, у меня есть кое-что, что может взбодрить тебя, и мы могли бы вместе. В конце концов...

– Ясно, ясно! Спасибо. Но сейчас я побуду одна. Ок?

– Да. Я буду поблизости.

Уходит. Я вижу эту сутулую спину. Когда мы впервые увиделись, он был похож на героя какого-то романа: подвижный и легкий, острый, как будто сдобренный острым перцем сильно-сильно, шикарный, насквозь пропахший роскошью и развратом. Каким он стал? – Сутулым душой.

Как же хочется, чтобы земля сама провалилась под ногами, чтобы больше никто и никогда не видел меня. Почему нет сил? Мне ведь говорили, я эгоистка, мне плевать на всех. Да, так и есть. И вот сейчас стоя на мосту, над холодной гладью воды, почти замерзшей, в одном белье я вовсе не чувствую холода, скорее это кайф, просто свобода. Смотрю вниз, вода сама по себе кажется прекрасной и спокойной, но я знаю что, прыгнув, она безжалостно пронзит мое тело тысячами ножей, и я пожалею, потому что я люблю жизнь, люблю ее, потому что ты так сказал. Как много скрывается в слове покой. Это и твои глаза, и руки, и твое тату, и шрам

на правом плече, и боль от твоих слов, и успокоение от твоих ласк. Все это мой покой. Все это мой страх. Все это моя погибель. И стоя здесь я как никогда четко понимаю, в моем сердце только ты. О как мне страшно. Как страшно. По жилам течет что-то вроде щекотки, колючей такой, какой-то неживой. Многое стоит перед глазами: то, скольких я огорчу своим уходом, жалость к себе, несбыточность того, что столько всего еще впереди могло бы быть, ты, и твое равнодушие, сутулая спина Силы, а через неделю все забудут. Все кроме родителей, все кроме тебя. Смогут ли меня простить родители? Это страшно. Но простили бы они меня, зная, что я так мучительно живу? Я вовсе не ищу себе оправданий. Знаю просто, что ты снишься и сводишь меня с ума своей близостью и недоступностью. Тем, что не получается тебя коснуться. Я только вижу и чувствую смерть по своим венам, иней по коже. Да я уже вроде не жива и отражение в зеркале это четко доказывает. Там не я. Это слабость, это жалость, скажут многие, а мне плевать. Я и сама думаю, что отчасти так и есть.

Кто-то положил руку на плечо. Поворачиваюсь. Сила.

– Я знаю все, – он смотрит прямо мне в душу, точнее туда, где она была раньше – хочешь, я разделю все с тобой? Я знаю обо всем, что ты хочешь. Я вижу тебя такой, какая ты есть. Ты хочешь убежать? Хочешь умереть? Так давай сделаем это! Я буду с тобой до конца. Нам с тобой не нужна жизнь. Мы те, кто родились на острие ножа, те, кто оставили

там свои сердца и теперь скучаем без них. Они дождем каждый день плачут о нас. Ты же видишь, снова тучи! И пусть другие не поймут, но зато я знаю ЧТО ты. Я знаю кто ты. Ты – пустота, ты – дикое безумие, ты – такая как я. Твое тело тебе только костюм и в нем нет ничего, кроме едкого дыма, невыносимого едкого дыма. Я знаю тебя! Мы пришли вместе в этот мир. И если ты только скажешь «да» я навсегда разделю с тобой твою пустоту и с удовольствием поделюсь своим мраком.

Чувствую, как в горле стоит ком. Может, это слезы счастья подступают к глазам? Едва ли. Я улыбаюсь. Он обнял. Уткнулась носом в его плечо. И боль как будто еще острее от того, что он рядом, но ведь боль может быть и катализатором. Видимо да.

И снова руки и вены. Вены и руки. И мы снова счастливы. На мне легкое шифоновое платье слегка прикрывающее, исхудавшее тело. Снова встречи, ароматы. Мы держимся за руки. И совершенно все равно, что говорят другие. Так больно, что совершенно все равно. Наверное, именно это называют агонией.

Глава 7

Смерть.

Вот и настали дни бесповоротного счастья, одной на двоих боли и мягких снов. Тот, кто видел нас со стороны, тот наверняка думал, что мы пара влюбленных, и никто не знал, мы – пара мертвецов кружащихся в диком танце смерти. Каждый день, каждый час, каждый взгляд направленный друг на друга, нес тот невыразимый смысл, который давно пытались передать в своих стихотворениях поэты и в своих книгах писатели, тот смысл, который нельзя найти, тот смысл, которого нет. Бесконечный его поиск захламляет жизнь. Мы больше не тратили понапрасну то, что у нас еще оставалось. А у нас кое-что было, были – мы. Сила – такой красивый! Он бессовестно посыпал мою, еще свежую могилу, до безвкусы красивыми цветами, каждый день, как будто он сломленный горем влюбленный, разноцветными букетами, он застилал мою сырую землю. Это придавало сил, это раздражало и смешило. Каждый день, уткнувшись ему в плечо, я пила теплое молоко на холодной крыше его дома и понимала, что не чувствую ничего. Тогда я кусала его и он произносил:

– Ну вот, ты снова забыла что я есть.

Меня всегда смешило это его напоминание. И мы смея-

лись вместе. На самом деле зная, что мы есть так же как и ваши страхи – вы чувствуете что они есть, но в самом деле их нет.

Наши руки стали так похожи, вены так некрасивы, они словно отражали линии наших прогнивших сердец. Каждый день отрезал от наших клубков по сантиметру, а то и по два, вовсе не заботясь о том, хватит ли нам.

Помню однажды, мы бежали по мостовой и так перехватывало дыхание, будто вот-вот ты должен родиться, казалось даже что так и будет, но мы остановились. Мы не хотели этого.

Эта жизнь, выбранная нами, текла так, как хотели мы, время было не властно, не существовало ни ночи, ни дня. Были только мы в своей смерти. Только улыбка Силы и моя боль. Наша боль. Наверное, должно было быть очень больно, когда мы осколками бутылки резали себе руки и, увы, нам помешали осуществить наше намерение и уже в следующее утро, мы оказались на больничных кушетках. Думаю, этот день надолго запомнили в больнице, вряд ли там часто дерутся. Сила был тогда страшно взбешен, количеством моих ран на руке – их было больше чем у него и это коробило его, ведь он проиграл наш спор: у кого больше ран, тот и побеждает. Я тогда сказала ему, что он в любом случае проиграл бы, ведь как ни крути, я сама сплошная рана и что сколько бы ударов он не нанес себе, ему в жизни меня не превзойти. Если бы можно было запечатлеть в этот момент его взгляд! О, это был

ад, бушующий в паре глаз! Как же меня это рассмешило.

Никто не знает, какая история была у Силы. Откуда он пришел и как. Ясно было одно, его существование закономерно принадлежало моему.

Он всегда говорил мне, что я как гнойная рана в его сердце, никогда не заживу, я только продлю его страдания, но он никогда не отпустит меня. Потому что нельзя отпустить того, кто и так свободен. Мы были свободны оба. Свободные от мира, людей, болезней, последствий, эмоций, чувств. Два гуляющих по бульвару тела, трупа, не привлекающих внимание прохожих и так возмущающих, если вдруг засмеются прямо в лицо. Люди продолжали верить тому, что видят, а мы продолжали не верить в то, чего нет. В нашей жизни не было дилеммы между тем, как хочется сделать и тем как диктуют моральные догмы, мы давно послали их к черту. В нашем мире не было больше никаких запретов, так же как и людей.

Иногда страшно было остановиться на миг и задуматься, поэтому мы не делали этого. Мы делали что угодно кроме этого.

Многое происходило в ваших головах, в них же теплилась вся мировая бессмыслица когда-либо существовавшая, и от этого становилось как-то весело и одновременно печально. Как произошло так, что мы стерли для себя ваш мир и поселились в своем, мертвом?

Глава 8

Крыша.

Интересно, а можно ли описать свою смерть и возможно ли это в принципе? Нет, я не имею в виду сейчас ту старуху с косою в чёрном. Ее описывали многие, невзирая на времена и нравы, национальность и пол, всюду она предстает со своим чарующим, омерзительным ликом таким же неизменным, как и время. Я имею в виду то чувство, которое испытываешь умирая. Парадоксально, но наверное никогда не родится человек, которому это было бы под силу. В последние минуты тело подводит нас, или обстоятельства не позволяют раскрыть всю прелесть полета.

И вот, я снова стою на мосту, холодный сырой ветер мой единственный сосед; за исключением тысяч машин несущихся куда-то, с кем-то, зачем-то. Так много движения во-круг, но все застыло. Ветер, который я любила всегда. Дух свободы, безмятежный и такой мудрый. Кто знает, куда дуют ветра и что им подчинено, что несут они с собой, чьи печали, страхи, боль, любовь они уносят с собой, чьи души подхваченные им, уносятся на вершины гор или в низины пропасти. Он неуловим, его нельзя напугать, он всегда там, где ему вздумается. Как же хочется взять с него пример.

Стоя на мосту, кажется, что вот сейчас, еще одно дуновение, и ты полетишь вместе с ним и получишь долгожданный покой. Покой, которого так жаждут многие и так боятся. Кто-то говорит, что покой – это страшно, движение – это жизнь, но разве движение в никуда, не есть ли вечный ужас?

Смотрю вниз – страшно? Едва ли. Скорее любопытно. Что там ждет? Холодная глубина воды так и манит, обещает подарить крепкие дружеские объятия. Холодно. Вода внизу напоминает голубоглазого человека, все говорят, что его глаза голубые, но на самом деле их цвет лишь отдаленно напоминает голубизну. Голубым может быть только небо, и лишь оно способно подарить покой. Вода обманчива, как глаза голубоглазого незнакомца. За мнимыми дружескими объятиями она скрывает холодные, железные тиски. Так и чувствую, как она поглотит все мое тело, забравшись в самую душу, впрочем, давно уже омертвевшую, исколет и изрежет и без того рваные раны, разбередит то, что и так кровоточит. Да это и не страшно. Страшно то, что будет потом. Слезы родителей, неизмеримое негодование их сердец и возможно, никакого покоя в конце. Даже трупам когда-нибудь придется становиться перед выбором. Перед весьма сложным выбором, выбором сделать других такими же, либо продолжать свое существование, ничего не меняя. Продолжать стоять здесь, на холодном бетонном мосту, в окружении серых домов-коробок, разглядывать эти чужие руки, приделанные так неумело, к этому громоздкому неудобному телу и про-

должать разыгрывать жизнь, олицетворяя собой смерть среди живых. Снова взгляд вниз, а оттуда будто бы смотрят тысячи глаз. Кто знает, сколько счастливиц нашли здесь свое счастье, сотни, а может тысячи, использовали это место как микстуру от мигрени, непонимания, страсти. Тысячи, а может миллионы трупов, согрелись в объятиях этих вод, навсегда повернувшись спиной к этому миру. И никто кроме них не знает, страшно ли это. Коварство времени беспредельно и возможно, даже они, не знают этого. Время, как и всегда, подставляет нам подножку в самый ответственный момент, не оставляя возможности успеть понять, ощутить.

Сила всегда говорит, что время наш враг, что мы должны успеть обогнать его и если это будет возможно, показать спину. Необходимо вывернуться наизнанку, но обвести его вокруг пальца. Сила не знает. Не знает что это то, что отличает нас с ним друг от друга. Я смирилась со временем, подружилась с ним, он же – ведет вечную борьбу. Лишь в одном мы часто сходимся, всегда можно сделать так, чтобы ты застыл во времени. Само время остановить нельзя, но застыть в нем проще простого.

Как легко мы вливали в себя неприятные жидкости, вдыхали густые пары и пылинки обывательского безмятежного счастья. В такие минуты кажется, что все не так уж и плохо. Вы спросите, почему нельзя продолжать упиваться чем-то другим, тем, что приносит удовлетворение. Тогда я так же спрошу вас, а что приносит его? Страсти? Деньги? Ничего

из этого. Нельзя утолить жажду, тех, кто когда-то верил в людей, в их мир, в бескорыстность и однажды поправил все их законы, встав на ничью сторону, не уступив места ни пресловутому добру, ни всеми осуждаемому злу. Такими были мы с Силой. Наш выбор необъясним ничем, нельзя сказать из-за чего мы стали такими, вполне вероятно это врожденное качество душ, быть такими.

Нереальность моего положения чувствовалась все острее, я вроде как и стою здесь, но меня нет. Странно понимать, что тебя нет там, где все видят тебя, где ощутимо физически присутствие твоего тела, но твоего ли? Это так же остается вопросом.

Глава 9

Цветок.

По венам бежало что-то чужое. Сила обнимал так нежно, так чужеродно. Я подумала о Сиде и Нэнси. Они наверняка в героиновом раю. Какая глупость! А мне все тот же ад на земле.

На мне нечто шикарное: белое свадебное платье, белые кружево чулки, в руках бутылка текилы. Мы приближаемся к ошеломлённому нашим видом охраннику клуба. Увесистая пачка банкнот в его руках и вот мы уже внутри. Клубы. Как же они тошнотворно прекрасны, душни и развратны. Огромная толпа, обезумевшая кто от чего, корчится под звуки в смрадном тумане. Похоть в глазах, желание быть лучше остальных, в итоге – повальное одно и то же.

Дикий смех, ничем не сходный, например, со смехом ребенка, он оглушает такой смех. За столиком напротив замечаю пустой, обезвоженный взгляд кого-то одного со мной пола, а может, уже и нет. Давно уже я, сомневаюсь, а есть ли у меня вообще какая-либо половая принадлежность. Очень сложно для меня провести черту между дамочкой в обтягивающем платье и парнишкой со всеми замашками брутала. Нога закинута на ногу, смотрим друг на друга в упор. По ее

еле прикрытой груди стекают капли пота. Возможно, куда-то прямо в душу, душу пропитую в смраде людской черноты. Как же она прекрасна! Хочется коснуться ее губ по-детски нежных, но обворожительно пошлых, взять за руку, сжать тонкие пальчики до хруста и может даже сломать их. Эстетика – вот что делает человеческие существа бесполоыми.

Неожиданно кто-то дергает меня за рукав. Сила. Мгновенно по телу бежит волна каменного раздражения. Я отворачиваюсь и с упоением продолжаю смотреть на то, что так внимательно изучает меня своим мутным взглядом.

Некрасивое, словно налитое для любви тело, как будто созданное для сиюминутных увлечений, так и тянет к себе. Подошла. Коснулась. Вот она красота. Незапятнанная, всепоглощающая. От ее прикосновений по всему телу бежит ток, я как будто вдруг стала проводником в другой мир, мир сладостной пустоты. Я чувствую, как оно дрожит под моими касаниями, как срывается дыхание и теплится еле-еле в этом истерзанном теле душа. Есть в этом что-то звериное.

Уже далеко за полночь, я и Сила уехали. Холодный ветер, обдувающий меня из окна, освежил голову, дал новое течение мыслям. То что происходило в клубе и раньше, осталось за гранью. Теперь были только мы: я и он, а точнее, я и ты. Ты все еще поедает, стачивает меня прямо изнутри. Мне не ясно, что тебе нужно, ведь ты и так забрал все, что могло когда-то казаться мне в себе таким прекрасным. В жизни есть что-то страшное, она утекает, как будто сквозь пальцы

и не дает надежд. Мы мгновенно забываем о том, что только что было дорого сердцу. И вот теперь, я в лапах самой себя, вовсе не упиваюсь гордостью, как представлялось мне, я влачу поистине нищенское существование. Мне не дом четыре стены, да мне весь мир не дом, не осталось в этом мире ничего от моего дома, так же как и от меня. Жалкое тело, раздаренное другим, истерзанное волшебством и вовсе уже не мое. Как в окно, смотрю я на этот чужой мир, смотрю, и не могу понять, если нет меня в нем, то где же тогда?!

Вот и прошла еще одна безумная ночь, безумное утро и безумный день. Я по-прежнему слышу возле себя мягкое дыхание Силы. Еще одна вечность пролетела перед моими глазами, так и не оставив в душе никакого следа.

Скомканный пьяный закат под гулкими ударами часов, бьющих прямо по вискам, и вот снова, клуб, ночь.

Их руки были сплетены железными прутьями. В ее глазах читалась нежность, в его похоть. В ее прикосновениях виделась одержимость, в его – похоть. Постепенно ее взгляд пустел, в то время как руки заботливо вливали холодное, в иссохшее горло, в то время как по венам медленно текла жизнь и мчался амфетамин.

Я когда-то знала ее. Она была мной. Когда-то. Встаю. Идти тяжело. Противно и страшно. Страшно до дрожи. Кто все эти люди? Что здесь делаю я?? А, все равно! Веселимся!!! Смутные лица, голоса, запахи, дым, вонь, смрад и я его часть. Речь все запутаннее, звуки все больше и ты словно в

пустыне среди иссушающих просторов своей безжизненной души. Об этом не пишут, об этом не говорят, об этом молчат.

Глава 10

Снег.

На улице кружит снег, и кажется, так много времени прошло с тех пор, а может, нет? Твой смех все так же звучит в ушах, все потому что он все так же нужен. Да, я больше не мечтаю вернуть то время, время теперь мечтает вернуть меня, красивую, наивную к тебе. Я теперь никому не мешаю, все кружусь вокруг своей оси. Моя жизнь все больше похожа на дешевое порно. Всегда один и тот же сюжет, только декорации сменяют одна другую и душно все сильнее.

Помню когда-то этой зимой, мы, обнявшись, грелись у камина, я гладила твои жесткие волосы и знала запах твоей любви. Снег так же кружил за окном, а я не знала, я тогда не смотрела порно и боялась, что когда-нибудь нам не хватит времени.

Где ты сейчас я не знаю, и главное, не хочу знать.

Теперь у меня новая, счастливая жизнь.

На мне безупречное красное платье, я еду в такси подальше от тебя. И снова на пороге встречаются улыбки. Мы на очередном сборище себе подобных, под покровом серой ночи, может это и не так стыдно, но Боже, как же страшно.

И снова медленный шепот оксидитамина, бабочки пони-

же пояса медленно превращаются в червей и прячутся в свои коконы, и даже это, не интересует меня больше.

Вы когда-нибудь чувствовали, как кто-то ест вас большой алюминиевой ложкой, прямо изнутри? Выскребает ваши внутренности. Так стоишь, смотришь в глаза этому человеку, а он выскребает. Эстетично как-то. Когда он выскребет все, тело наверняка свалится навзничь наподобие пустого костюма. Стоит подметить, что трупы падают тяжело, а вовсе не так как пустое тело. Чувствуешь, как ложка шарит у тебя внутри. Раньше это приносило боль, затем наслаждение, ведь когда рана заживает, она чешется; но теперь уже все равно. Теперь ты просто стоишь, а тебя выскребают.

И ни снег, ни что-то другое больше не может поселиться в твоей голове. Остается лишь застывший взгляд. Кто-то умеющий это делать поселил в него блик. Он видит перед собой все те же жадные толпы, клокочущие в своей похоти, он блуждает по ним, не выказывая ни симпатии, ни возражения. Думаете, это страшно? Вовсе нет. Это примерно как уснуть и проснуться. Ты не знаешь как это.

Так неподвижно стоя прошла бы и вечность мимо меня, но я все ждала того момента, когда костюм рухнет на пол и я наконец, останусь сама собой.

Неожиданно Сила выдернул меня из неги ожидания, и я увидела перед собой в его руках маленькую, пухленькую мадам. Вьющиеся волосы, живой румянец на щеках, улыбка и безмятежность, подаренная детской наивностью и подарком

Силы.

– Смотри, что я нашел для нас.

Хотелось смотреть на нее.

Мы вышли втроем. Приехали в темный дом Силы. Он грубо любил ее. Любил так, как любят ненавистных. Мне нравится такая любовь, она не мертва, в ней есть страсть, боль, нежность. Она пропитана слезами и испариной. Ее упругая кожа холодела под моими мокрыми ладонями, казалось, ее нельзя испортить чем либо, и только затравленный взгляд выдавал ее смятение. Хотелось орать на нее во все горло, душить и бить, но руки только сжимали ее маленькую ножку, а сердце стучало все сильнее. Ее тело словно билось в агонии. Неожиданно в голове пронеслась боль, затем по телу прокатилась истома. Да. Больше нет ничего только эта жгучая истома, эта испарина от трех тел, гниющих изнутри, но благоухающих снаружи. Елейные трупы. Она улыбалась. Такая улыбка похожа на детскую, но только дети существа священные, неприкасаемые, а это прожженная тварь. Как же, однако, коварно зло, облакаясь в такие формы.

Выкинув ее на бульвар мы так и не знали кто она, откуда и что течет в ее крови. Одно мы знали точно, все обезвкусится, если мы прямо сейчас не почувствуем.

И снова смотрим друг на друга.

Глава 11

Город.

Возможно ли вспомнить момент, когда над тобой разверзлись небеса и молния судьбы навсегда сделала тебя калеккой? Казалось бы, разве забудешь такое? Но людская память очень недолговечна: для меня вот не существует больше ни неба, ни земли, также как и меня для них.

Всегда страшно было смотреть на ряды бетонных коробок. Никогда не знаешь, что скрывается в них. Серые, безлюдные, битком набитые. Дома. Дом. Какое многоликое слово! Дом может быть родным, теплым и уютным, а может быть старым обветшалым и чужим. Бывает ли так что дом и не нужен больше, или это просто значит, что теперь везде как дома?

Считается, что когда человек мертв, его обязательно нет больше физически. Я бы легко могла с этим поспорить. Разве жив тот, кто давно видит мир как из окна, не гнушаясь распоряжаться своим телом так, будто бы оно чужое. Руки, ноги, кожа, прикасаясь, понимаешь, что все это не твое. Да кто вообще сказал, что это мое? Нелепость того, как можно ощущать себя. Тысячи людей занимаются своим телом. Тренировки, фитнес, йога, тело культивировано, взамен прода-

ны тысячи душ, а я банально не чувствую себя в теле. Банально, потому что это давно стало нормой жизни, жить в месте, которое называют моим телом. Хочется дарить его всем, как бесплатное приложение, раз уж оно как будто моё.

Люди издавна берегут тело, берегут много лет, усиленно и упрямо, чтобы потом зарыть его в деревянном ящике, гнить. Я предпочитаю дарить этот данный мне природой костюм миру. Мир породил меня, дал жизнь и это тело, так почему же я должна быть столь не благодарна, что отдам его лишь тогда, когда оно одряхлеет, и дух в нем рассеется? Вот уж глупость! Мое тело не моя собственность и значит, его получают все. Здесь и сейчас.

Каждый день встречаю этих людей с абонеентами на тысячу лет, они гонятся за стандартами, идеалами, которые сами же и вбили в свои головы. Их стремление к красоте внешней, а точнее к их понятию о красоте мерзковато поблескивает на фоне их внутренней гнили. Зато есть я. То есть, меня нет – живой труп, а для того кто умер, уже нет ничего, он уже все получил, нет ни ваших абонементов, ни ваших лиц, перепачканных пыльной отсыревшей ложью, ни вашей показной добродетели и жалости, нет вашего жалкого сострадания. Сочувствуете? – Нет! Это просто зависть. Мне ведь дозволено все. И если я захочу, то сделаюсь пеплом и буду парить над вашими крышами, заглядывать в ваши окна, а вы так и будете кивать своими пустыми головами и сочувственно сокрушаться о том, чего не знаете и не узнаете никогда.

Смерть не всегда смерть тела, которое вы так бережете. Смерть – это свойство некоторых душ, тех душ, что получили покой и навсегда примирились со временем. Оно тикает, но не для них. Сменяются дни, года, но не для них. Такие души чем-то сродни душам сумасшедших, те тоже не чувствуют времени, но на самом деле их суть гораздо проще – они мертвы. Вы когда-нибудь задумывались о различии живого с мертвецом? Живой - требует, мертвец – молчит; живой – думает, мертвец – безмолвствует; живой – хочет, мертвец – имеет всё; живой – боится, мертвецов – боятся. Так и с душами. Если есть тело, то это вовсе не значит, что в нем есть жизнь. Да, физиология, несомненно, сердце бьется, кровь пульсирует по венам и жилам – все работает, но как механизм. Не ясно, почему до сих пор не доказано, что есть тела, в которых покоится прах, некогда жившей души.

В зеркале на меня смотрят глаза трупа: непроницаемые, сладковатые, томящиеся, чужие. Жесты мои пространны, замедленны, легки. Обывательская оценка была бы самой высокой! Бледная кожа, коричневатые-черные обрамления глаз – туманные круги не выпитых ночей; исхудавшие руки по локоть в длинных кружевных перчатках, скрывающих пути счастья, тонкие дорожки радости; разметавшиеся как в бреду волосы; тощее тело; ноги на огромных каблуках. И самое примечательное все же лицо. Очень красивое. И не ясно на первый взгляд, что так притягивает и отталкивает одновременно в нем. Лицо, искаженное предсмертной гримасой,

кривоватой улыбкой того, кто ушел навсегда и тонко лежащей вуалью легкого, кроткого ужаса и покоя, а ощущения... Ощущений никаких. Только абсолютная власть.

Дориан Грей – чистой воды лжец. Его теория не терпит реальности. Как может тело отражать то яростное уродство, что клокочет внутри него? Поверьте мне, вся эта ересь с портретом, не более чем бред воспаленного мозга безумца. Живой пример, опровергающий теорию Дориана и его же быль, это – я. Шикарный, изысканный, крайне деликатный паразит в теле уже почти разложившегося общества, скользкий среди шелковых складок длинного платья ее величества лжи. Ложь в Дориане Грее, ложь в жизни, ложь внутри каждого, но не во мне. Я – вне ее. Я как единственный кто уцелел, на тонущем судне, радуюсь, что жива, но еще не знаю, что всего лишь призрак...

Ах, о чем это я. Да: изящество черт светящихся на меня сквозь зеркало поражает. Что-то резкое в изгибах, до безобразия правильное лицо и колючие, словно майское сено, глаза.

Мне известно давно то, о чем все думают.

Все думают о Дориане Грее. Все боятся, что однажды все мерзкое в душе вдруг перевесит хорошее и всем, абсолютно всем это станет заметно. Никто не боится быть плохим, все только боятся, что заметят, если такими стать. А кто заметит? Сотня таких же, кто изо дня в день так же трясется от страха? Да позвольте, это же смешно! Вот так и живут.

Смотрят в зеркало и боятся увидеть там всю гниль, что тщательно накрыта сверху бархатом добрых слов, пряжей мечты и тонкой паутинкой хороших намерений. Я не боюсь этого, потому что лишь один я знаю, теория Дориана Грея не работает.

Моя жизнь скорее смахивает на жизнь монаха. Только я монах своего ордена и у меня другие догмы, а точнее одна – никаких догм нет. Вот и все.

Когда-то кто-то придумал впрыскивать во фрукты, овощи и ягоды какую-то дрянь, чтобы внешне они казались спелыми и вкусными. Да, на вид такая ягода кажется сладкой, вкусной, манящей, но стоит откусить кусочек и внутри либо изуродованное семя, либо гниль, а может еще просто несъедобная зелень. Так же и я тот самый фрукт, та самая ягода. Каждый день я делаю себя соответствующей стандартам потребителя. Смотря на него сверху вниз, я дарю ему то, чего он так жаждет: я дарю ему труп. Только он об этом не знает. Как часто от этого мне становится смешно. Каждый раз, когда я вижу звериные глаза, что-то внутри начинает душить мое горло. Такие высокодуховные, развитые и вместе с тем недостойные жить. Они не знают, с кем имеют дело. Не знают даже, что нужно жалеть себя, а не ту, что по своей воле дарит этому слепому и глухому миру себя. У мертвого есть всё. У мертвого есть власть, ибо, нет чувств. Сложные перипетии не мешают ему царить и властвовать в мире людей. Люди так эмоциональны, плаксивы, нетерпеливы и слабы. Трупы

довольны, улыбочивы и просты. Но не думайте, что они любят вас. Нет, они ненавидят все то, чем ты дышишь. Твою жизнь, эмоции, боль, страхи, смех. Именно поэтому труп дарит тебе себя. Прикоснувшись к нему однажды, ты уже никогда не станешь прежним. Ведь какая низость обладать тем, кого жалеешь, и кто в тайне презирует тебя. Таковой стала смерть, так покинула жизнь. И всё стало дозволено.

Город смеялся. По крайней мере, нам так виделось. Когда шел снег, было весело, мы представляли себе что это маленькие мухи, съевшие белую краску. Люди бродили по улицам и не знали об этом. Люди вообще ничего не знали.

Каждый горожанин, словно муравей, тащил в свой дом провизию, уныние и голову полную проблем. Куда пойти? Что одеть? Что съесть? Когда спать? Многое полнит сердца людей, но малое в них задерживается. Тут каждый ловит свой кайф. Кому-то нравятся длительные истерики, кому-то чувствовать себя жертвой. Наверняка каждому известен хоть один такой человек. Вот ты видишь его каждый день, как он бездействует, чтобы как-либо изменить свою жуткую жизнь. Да уж, бездействие – худший способ чтобы не жить.

В городе вообще много людей. Много мнений. Даже смешно. Каких еще мнений? Сгустки тяжелых мыслей заполняют пространство. Достаточно ткнуть пальцем в толпу, и ты найдешь сотни единственных в своем роде мнений, ничем не примечательных и суетных.

В больших домах-коробках, в тесных комнатах, люди ютятся, чувствуя себя в безопасности вовсе не подозревая, что вечно живут в страхе, страхе однажды взглянуть в собственные глаза и понять, что вовсе и не жили, не живут и не будут, а мы больше не боимся.

Глава 12

Руки.

Люди рассматривают друг друга, останавливаются глазами на интересующих их деталях. Часто, это просто черты лица: глаза, губы или прелести тела, иногда особенности: родинки, веснушки, а иногда и уродство: шрамы, бородавки, впадины, увечья.

Что будет если взглянуть на руки? Никогда не смотрите на вены. По ним течет сама смерть. Все думают что жизнь, но на самом деле это смерть. Смерть, закупоренная в нашем теле, словно злой дух в волшебном сосуде. Стоит только выпустить ее острым лезвием ножа или бритвы и вот, она уже на свободе. Нет ничего прекрасней свободной смерти. Она кружит, пьянит, дарит покой, скрашивая его капелькой разноцветной боли. Знаете, почему там не может быть жизни? Все очень просто. Человеческое сердце переносит тысячу бед, волнений и все они сопровождаются ударами, как тиканьем часов. Кровь, наполненная горем, мчится по венам, счастливая же кровь бурлит в наших жилах и делает нас сильнее, чем мы думаем.

Иногда страшно взглянуть на чьи-то руки. Что в них? Я взглянула на руки Силы. Худые, бледные, обескровленные, а

ведь в них когда-то вместе со смертью текла и жизнь, теперь лишь яды. Когда-то в этих руках была мечта. Кто знает, что это была за мечта. Теперь в них только я. Сила говорит, что я и есть его мечта и что всегда была ею.

А что мои руки? Тонкая кожа, синие и зеленые вены. Что могло бы быть с ними? Что могло бы принадлежать им? Они могли бы убаюкать прекрасного ребенка, а может сжать чью-то шею до хруста. Они могли бы обнять и ударить, согреть и оцарапать, танцевать и кружиться, но они лишь неумело болтаются на моем костюме. Я давно не могу смотреть на них. Испещренные тысячью точек, безобразно изящные ни смотря ни на что, они пугают меня. Они словно ведут меня по дороге раньше мне неведомой. Страшно и в то же время так прекрасно доверить себя им.

Глава 13

Любовь.

И снова я была заперта в комнате без окон, дверей, в комнате, где казалось кроме меня никто и не поместится, но был еще ты. Твои объятия давили, душили, словно ты и есть сама смерть. Что осталось? – Ничего. Глядя в окно я вижу свет фонарей, их отражение напоминает кресты, слабое мерцание наших жизней. Кажется, что не осталось больше ничего, только страх и молчание. Шаг в неизвестность. Как хочется и не хочется одновременно вновь ожить. Вновь парить и знать: ты здесь, но кто-то медленно выкачивает из меня, всё, что связывало меня с тобой. Тяжелее день от дня воспринимать свои мелкие шажочки, ведущие от падения к падению, от бешеной высоты и невыносимой скорости. Все это было так давно что само время застыло и большими сгустками крови застопорило мой пульс. Где все? Там же где и были. Наверное. А я всё так же нигде. Боль и комната, тиски и Сила.

Как-то раз мы сидели, свесив ноги на детской качели и го-

ворили что-то невпопад. Мы кажется, играли в города. Только в вымышленные. Должна сказать, лучшей игры не придумаешь, ибо ей нет конца. Тогда, глядя мне прямо в глаза, вот что сказал Сила:

– Ты знаешь, а мы ведь не идеальная пара. Да мы вообще вовсе никакая не пара. Но все меняет одно: вокруг нас идеальный мир. Мир, который мы построили сами на костях своего неверия в мир людской. В нашем идеальном мире нет войн, болезней, недозволенности, последствий, боли и страданий. А знаешь почему? Потому что ты – моя боль, я – твое страдание. И мы каждый день смеемся друг другу в лицо. И как думаешь, неужели это не нарушает ничьи планы там, сверху? Мы с тобой словно бумажные люди, летаем туда, куда заблагорассудится и вовсе не ссылаемся на скупой и убогий разум. И нам не страшно больше, ведь мы идем за руку с самой смертью. Многие люди боятся нас. Да это и не мудрено. В их мире, где добро и зло давно смешалось, где все как слепые псы рыщут по помойкам чужих суждений, дабы найти хоть какое-то пропитание своей изголодавшейся воле, в их мире страшно столкнуться с нами лицом к лицу. Столкнуться с теми, кто поправил все, во что они верят. Помнишь, когда-то чтобы взвесить тот или иной товар продавец клал на противоположную сторону весов черные гирьки, твоему взору четко представлялось, где твой товар, а где противовес. У людей была иллюзия борьбы, борьбы сил. Теперь у нас есть электронные весы, и мы все знаем, что они не ошиба-

ются. Но кто, кто подтвердит нам это. А что если все электронные весы сбиты, накручены и на самом деле давно не мы решаем, сколько и когда нам съесть, а главное, сколько мы заплатим за это и чем. Убогий, убогий мир от которого мы ушли, превратил нас в обитателей идеального мира. Ты только подумай!

Он умолк и уставился куда-то в пустоту. В моей голове все то что он сказал, отпечталось каленым железом. Ведь так и есть. Он словно заглянул в мою душу и увидел, то, о чем я сама не раз думала. Мы вовсе не пара, и мир наш идеален, и пока вы стремитесь с бешеной скоростью стать идеальным работником, человеком, другом, любовником, мы – неидеальные и смешные уже сейчас живем в идеальном мире. Нашим миром правит любовь, но не ваша паскудная, пошлая и несправедливая, а живая и холодная жажда дышать. Мы идеальные два трупа, скользящие среди толп алчущих и задыхающихся, влюбленных и больных. Мы больше не принадлежим к ним. Кто бы знал, что, только умерев, мы обречем то, к чему так стремились, разделяя с вами убогое существование.

Теперь каждый день стал похож на цветной сон. Сон, пришедший к нам из детства. Разноцветные цветы, шарики, порошки, сверкающие иглы, быстрые машины и шикарные шмотки, а еще неидеальный Сила, крепко держащий за руку. Вот и все. Я забыла о тебе. Моя новая смерть не приемлет тебя. Ты всего лишь отголосок моей жизни, той, о которой

я больше не помню.

Глава 14

Лёд.

Нас несло каким-то безудержным потоком веселья. Что бы мы ни делали, мы светились насмешкой, нежным укором к тем, кто не может себе позволить так умирать.

Каждый день, я и Сила гуляли по парку. Мы всегда ходили одними и теми же дорожками, обращали внимание на одни и те же детали. Парк был уже довольно стар, деревья повидавшие многое на своем веку, некрасиво горбатились, возвышаясь над карликами-прохожими. Каждый раз мы представляли себя ими, теми, кто так высоко от земли и теми, кто никогда больше не прикоснется к ней. Оказалось еще, что в основном гуляют здесь одни и те же люди, семьи, старики. Люди чаще всего бредут в одиночку, глядя вперед и о чем-то сосредоточенно думая. Мы всегда смеялись, замечая таких, ведь наверняка мысль такого, сводится к банальности от покупки новых брюк, до пресловутых любовных мук. Это невероятно забавляло. Нас в нашем идеальном мире, больше не беспокоила такая ерунда. Семьи выглядели отлично. Чаще всего это были молодые пары с маленькими детьми. Они казались нам счастливыми, хотя всегда было место сомнению, ведь ваш мир так лицемерен. Сколько я знала пар,

которые были для всех эталоном, все старались равняться на них, приводили в пример, а они тем временем скрепя зубами делили территорию своего скудного трехкомнатного аквариума, рвали на себе волосы от безысходности. Жаль. Старик привлекали внимание своей печалью в глазах. Должно быть, это ужасно, дожить до состояния, когда ты вроде еще жив, но уже не можешь жить. Как это страшно. Ведь каждый согласится со мной, что очень часто старые люди выглядят просто омерзительно, что когда видишь, как они медленно ползут по тротуару, хочется обойти их как можно дальше. Это отвратительно. А ведь они даже были когда-то детьми! Видя их, мы должны быть преисполнены желания помочь, оградить их от боли. Мы не могли с Силой долго смотреть на них. В нашем мире их не было. В нашем мире были только мы.

Пожалуй, наши прогулки в парке это было единственным, что мы делали однообразно и постоянно. Все остальное наше времяпрепровождение было подобием хаоса в голове сумасшедшего. Мы задумались о том, что раньше никогда не приходило в голову. Например, почему мы никогда не смотрели вверх. Мы видели всегда только витрины магазинов, а что выше? Так всегда, люди не замечают ничего, они видят только то, что привлекает их внимание, все остальное остается незамеченным. Теперь мы смотрели весь день вверх. Скажу я вам, это был один из лучших дней. Сколько же всего оказалось там. Старые фасады, ветви деревьев, окна, старые

балконы и балкончики, крыши и небо. Небо было каким-то особенным, словно на него никто и никогда кроме нас не смотрел. Словно не запятнанное ничьим взглядом, свежее, не потерявшее краски и света. Кто бы мог подумать, что все-го-навсего, для того чтобы стать счастливее, нужно просто задрать головы. Да, так и есть. Вот так мы днями катались на автобусах, троллейбусах, практически лежа на сидениях, уставившись в окна и задрав головы.

Мы обедались, обпивались и сердца наши не знали покоя. Мне всегда нравилось смотреть в глаза Силы. Там было все чего не доставало у меня внутри. Он казался словно восковым, а глаза как будто черные бусины. Так было здорово, сидеть и просто смотреть, не отрываясь, как он медленно моргает, как его зрачки расширяются и сужаются до размера малюсеньких булавочных головок. Он всегда поправлял мои волосы и говорил, что они у меня как солома, потом прижимался к ним лицом и всегда, каждый раз неожиданно начинал кусать их, словно они были лакомым кусочком для него. Много в его повадках походило на действия животного. Он обнюхивал меня, кусал, заботился обо мне, словно я была вымирающим видом.

Невообразимая печаль снедала наши сердца день за днем. Сложно сказать, что в таком счастье все-таки мучило, бесконечно мучило нас.

Глава 15

Лаборатории

Иногда, кажется, что всё что происходит с нами это часть большого эксперимента, часть эпического повествования или дешевого шоу. Дни проходят мимо, не оставляя следов ни в голове, ни в сердце. Как красиво, прижавшись друг к другу, прислонившись к груди просто слушать чье-то дыхание, как будто бы ставишься незримым свидетелем таинства жизни, при этом осознаешь, жизни вне тебя. Бесконечное небо, воздух, пространство полнят легкие и кружат в бешеном танце, словно ветер листву. Еще никогда я не была так счастлива! Внутри немного щекотно от наполняющей неги, от тлетворного дыхания смерти. Легкость, покой, равнодушие. Часто в последнее время я упиваюсь всем этим. Разве может кто-то еще позволить себе быть столь же беспечными как мы с Силой? Никакой ответственности, никаких страхов, никаких последствий и никакого будущего. Просто делаем, просто позволяем, просто действуем или не делаем ничего, а никто и не заметит, а все потому, что нас нет.

Глава 16

Дом

.
Опустел вновь почерневший дом,
В уголках у штор повисли тени.
Знаю, больше не придешь,
Дом мой полон приведений,
Здесь и там твои осколки,
Там и здесь твои следы
И заглушит смех ребенка
Звук катившейся слезы.
Дом мой полон скорбной лени
И тебя не возвратишь.
Дом мой – крепость,
Ты – тюремщик,
Взгляд усталый,
Капли с крыш.

Глава 17

Мама.

Мам. Мама. Где ты? Где я?

Что произошло со мной, почему я больше не я? Звезды осыпались с небосвода и оставили меня в темноте. Теплота твоих рук стала такой чужой и болезненной. Я не могу смотреть на тебя, слезы застилают мои глаза. Мама, что с тобой?

Этот мир такой противный и злой, мерзкий и лживый, как в нем оказалась ты?!

Этот мир прекрасный и нежный, как в нем оказалась я?

Мама, не жалей меня. Может когда-нибудь, ты вспомнишь меня, светящуюся изнутри. Светящуюся не от любви, но от ненависти, не от счастья, но от боли. Но только ты не будешь этого знать.

Твои глаза чистые и глубокие, словно в них поместилась вся правда мира, но как она далека от моей.

Я кружусь в танце смерти, безрассудном, теплом и таком нежном. Как много в этих темных ночах, как искусно в них переплетены страсти и горести, болезни и выздоровления, как быстро больной разум обретает покой, уносясь за очередным флером чего-то искусственного,пряного и сводящего с ума. Я так рада, мама, что я здесь, в центре этого вихря,

что я не одна, что я с Силой.

Мама, не плачь.

Как прекрасно все, что я вижу!

Люди, их маленькие души и хрупкие тела. Только сейчас я поняла, какие хрупкие. Да они и не нужны. Мама, вспоминай меня как самую счастливую на свете. Как воплощение счастья и мечты. Я навсегда останусь в глазах всех тех, кто однажды меня видел.

Мама, не молись Богу.

Услышишь, как он ответил тебе? Если да, сотри это в своей памяти. Если нет, не молись.

Нельзя.

Смерть ведет нас за руку. Смерть наша лучшая подруга. Она холодная и теплая.

Мама, как ты прожила свою жизнь? Наверное, лучше, чем я свою. Не знаю как ты думаешь, но почему твои глаза полнят слезы? Почему мир осиротел без твоей улыбки. Я бы все отдала за то, чтобы сделать тебя счастливой, чтобы ты никогда не знала слез.

Я не могу, не могу сказать, где я. Может, ты мне скажешь?

Глава 18

Небо.

Терпкий запах отсыревшего сена щекотал нос, я проснулась от его вязкого дыхания мне прямо в лицо. Что происходило ныне, мне было так же неизвестно. Мы в стоге благоухающих трав где-то на краю неба. Серебрящиеся иглы подле, кристаллические капли на них – наш концентрат счастья.

Я взглянула на Силу, сегодня, он был красивее обычного, бледнее обычного и, казалось, из его полузакрытых глаз тоненькой струйкой медленно и сердито течет удовольствие. Я почти зримо ощущала ее на себе: как она плыла по моим тонким рукам, касалась волос и сползала куда-то к тонким бедрам и коленям, чуть задержавшись лишь на припухлых икрах.

Сила обнял меня, почти придушив. Вот такими объятиями теперь начинается мое утро.

Сегодня мы были беспредельно отчаянны.

Холодные капли росы нисколько не трогали воспаленных удовольствием тел. Только полузажатый трепет душ летал где-то в отдалении, душ уже не наших. В серой дали не нашего неба, они навсегда скрестились и медленно таяли, чтобы навсегда раствориться.

Неожиданно зазвонил телефон, грубо разрушая нашу придуманную тишину. Мы снова на холодном полу в прихожей, в луже чего-то смердящего, в руках с холодными осколками, еще не опустошенных бутылок.

– Да, – ответил Сила, – да. Это хорошо, спасибо. Нет, все в порядке. Да. ,– и положил трубку.

С минуту молчит. В глазах вижу быстро нарастающий не то восторг, не то ужас.

– Больше нет – говорит он одними губами.

– Чего нет? – я медленно проглатываю слова, словно задыхаясь, что-то подсказывает мне, о чем идет речь.

– Его нет.

Мои руки медленно скребут пол. Мое расплавленное лицо в момент становится бесформенной массой и противно влипает в холодный пол.

Мир больше не станет таким как был. Ты навсегда покинул его. Теперь ни пепла, ни дыхания.

– Ты не плач. Я прошу тебя. Только не плач! Ты же знаешь, он не нужен тебе. Ты же знаешь я в тебе. Ты же знаешь все бред. Ты же знаешь, нас нет...

Крепкие тонкие руки обвили мою шею, и теплые горькие слезы Силы закапали на мои плечи. Так плакала бы я, будь у меня душа, будь во мне еще хоть что-то живое.

Волна то ли разочарования, то ли облегчения накатила на меня словно ледяной шквал. Все.

Мы медленно поднялись с пола, хватая тонкие грязные

шприцы, неряшливо порылись в валявшейся рядом сумке, наполнили их и больше уже никогда не вспоминали тебя.

Мир стал таким, как и прежде оранжевым, зеленым, желтым, бурым и голубым, местами кроваво красным, а иногда, угольно черным. Людские глаза были открыты широко и с усилием искали нас там, где нас уже давно не было. Взявшись за руки, мы с чемоданами их ссохшихся душ смело шагали туда, где никто из них не был и не будет никогда.

Никто не любит быть убитым целиком. Все любят дышать прекрасным воздухом и полниться счастьем. Так любили и мы. Любили небо. А под утро вяли, как цветы.

Сложно устоять перед всем, что так доступно тем, кто ничего не боится. Хотелось ходить голыми, кричать, убивать и смеяться.

Сила оставался красивым, будучи таким жутким.

В этот же день мы пригласили к себе девочку, лет двадцати. По правде говоря, она давно надоедала, все время писала и звонила. Она доверчиво тарщила на нас свои наивные глаза, а меня сместило до жути ее дурацкое лицо и нелепый наряд. И еще смешнее было, когда Сила раз за разом ударял ее куда-то в живот. Она прямо как тряпичная кукла, загибалась и скрипела как старая дверь.

Мне пришла мысль, что нужно смазать ее. Мы взяли много масла и намазали ее всю, однако к нашему величайшему удивлению, при ударах она наипротивнейше продолжала скрипеть. Как странно!

– Сила, она неисправна. Мы должны сжечь ее.

– да, ты права.

Мы взяли ее, а она плакала.

– Сила, скажи. Разве двери плачут? Она пытается нас обмануть. Двери ведь не плачут.

– думаю, ей не хватает гвоздя.

Но она стала скрипеть еще противнее. Еще никогда я не видела такой плохой, разваливающейся двери. Надо же, как не повезло.

Сила предложил выкинуть ее на помойку, я утвердительно кивнула.

Вчерашний вечер казался сном. Только залитые кровью полы напомнили о том, что для нас давно нет разделения на людей и предметы, есть только то, что мы хотим видеть.

– Сила, ведь это была не дверь.

– Нет.

– Хотя какая разница.

Мы рассмеялись.

Новое утро началось смехом Силы. Растерев глаза докрасна, я проснулась, и увидела его играющим с белым маленьким котенком. Было странно наблюдать, как этот костюм человеческой плоти играл с живым комком жизни. Казалось, что тело играет со своей душой.

– Где ты вял его? – спросила я, – состроив недовольную гримасу.

– Купил. Тебе, вместо него, чтобы ты не расстраивалась.

Я улыбнулась.

Вечером мы отправились в очередной клуб.

На мне ярко-желтое гипюровое платье с черными лентами, едва прикрывающее тонкие бедра и нелепо болтающееся на безмерно худой талии. Я словно восковой манекен на выставке уродов, только с сияющими, как два больших фонаря, глазами. Сила в черном узком костюме, словно католический пастор, с выражением лица, как будто он безвозвратно и навсегда утратил свою паству.

Мы вместе весьма изысканное зрелище. Улыбающиеся, смелые, входим в клуб. В свете прожекторов и ламп, возможно, нас даже можно было спутать с живыми.

Лед прозрачной мути на дне бокала, пузырьки игривого шампанского и грубая горечь текилы, затем сонм разноцветных фигурок, снежного порошка и терпкой, вдыхаемой дряни.

Мое нелепое тело в самом центре танцпола, ласкаемое тысячу рук. Как же я люблю это приторное безумие, охватывающее меня в такие минуты. Сквозящая боль, забытая сладость живого тепла насквозь пропитывает больные сном вены, хочется громко кричать, а может даже стонать, пока не умрешь в этом иступлении жизни, в этом потоке чужеродного дыхания.

Боль пережитых прикосновений словно шрамы, жжет тело, удовольствие позволить себе вновь и вновь умирать несравнимо ни с чем. Хаос голосов, сплетение мимолет-

ных звуков, звериных рыков и ангельских песнопений. В бешеном ритме стучащих вокруг сердец, забываешь о том, что свое давно не бьется. Дешевые отзвуки чужих страстей, пульс увядающих жизней, цокот отслаивающих душ все это придавало некий шарм все происходящему. Я кружилась, кружилась и кружилась.

Каждый раз, когда идет дождь, я чувствую себя по-настоящему грустной.

Печаль обволакивает мое нутро, полое, пустое, заполняет собой как воздух легкие здорового человека. Память обнажила клыки. Я вспоминаю наш смех, звучащий в унисон, свои слезы и твою теплую как черный чай улыбку. Неведомым волшебством ты рассыпаешься где-то в районе моей груди, что-то ищешь, лучась игривым солнцем, но там где бродит твой дух, больше нет ничего. Нет ни краев, ни дна упавшей надежде, нет ни снов, ни яркой были, ни цветущих обманов, а главное, там нет меня.

Скрюченный силуэт на старом кресле, тщетно пытаюсь согреться теплым одеялом – не выходит. Может не стоит все это того.

В моих ногах спит Сила. Мертвенно бледный, спокойный, ускользающий словно время. Его можно назвать невозвратимым. Вот секунда и ты говоришь с ним, вот вторая и это уже не он. Нельзя сказать какой он, Сила. Можно только понять, что он живет где-то внутри меня.

Его ровное дыхание заставляет прислушаться, если за-

крыть глаза можно подумать что ты попал в сон маленького ребенка, в его волшебный мир грез. Мир, в котором нет добра и зла, болезней и смерти. Как же лжив человеческий слух, если способен питать нас такой иллюзией.

Если присмотреться к его лицу, можно увидеть мягкое покрывало усталости, плотно уплетающую ноги лозу боли и коварную болезненность, но все это лишь обман глупых глаз, пресловутого зрения. Внутри него яркая жизнь, сочный бутон мечты и удовольствия, неиссякаемый источник радости и презрения к тому, что так отчетливо видишь ты. Как же лживы человеческие глаза, как же слепы те, кто им доверяет.

Провести рукой по его голове, тонким, черным волосам, пальцы чувствуют жесткость. Провести по усталой коже, пальцы, словно по крыльям небесного ангела. Как же глупы те, кто не знают силы прикосновений.

Много дней прошло с тех пор как я и Сила коснулись друг друга и боль этого прикосновения все так же жива. Она холодной змеей обвивает тонкие вены, дрожащим, словно старинный бубен, языком ласкает мертвую кожу. Ты никогда не смог бы дать того же. Твои горячие, жгучие пальцы душили меня словно раскаленные тиски, воздух отступал и больше нечем дышать.

Сила проснулся, улыбнулся и больше не был прежним. Я видела, как сутулая боль выходила из наших дверей.

Мне нравится то, что происходит. Покой вечера, безмятежность на наших лицах, тишина и бесконечные сквозня-

ки, раскрытых настежь, окон. Ничего не напоминает о том, что происходит вокруг. Мы вне времени, мы вне жизни. Мы – вечность.

Вдруг резкий стук в виски.

Глава 19

Волосинки.

Жизни струятся сквозь пальцы коварного времени. Люди уходят от нас. Близкие и чужие, все меняется и от нас самих вдруг не остается и следа. Кто же скажет нам как верно, как правильно потратить свою жизнь, в конце концов, как лучше и комфортнее существовать? Все верно – никто.

Тысячи людей каждый день задаются вопросом, зачем они живут?! Теперь, мне был неведом этот вопрос. Ведь я знала, ответа на него нет. Тем более, я больше не несла в себе жизни и жизнь не принимала меня. Моим уделом стал мир, придуманный мною, заполненный смертью, болью и смехом. Я стала легкой как волосинка, упавшая с чьей-то головы. Меня носил ветер туда и сюда, я цеплялась к чужим ступням, ботинкам, мужским и женским, меня накалывали на острую шпильку и давили каблуком, и никто не хотел оставлять себе. А меня все носило, бросало и кружило. Я то здесь, то там, а в итоге меня нет нигде.

Иногда словно во сне я слышала твои укоры о том, что нельзя так жить, что жизнь одна и нельзя взять вот просто так ее и разбросать. А с чего ты решил, что я живу?

Ты прекрасно знаешь, что уже нет. Только не стоит опла-

кивать того, кто так безмерно поощрен.

Каждый день я отдаю миру то, чего он жаждет. Похотливым похоть, влюбленным – любовь, злым – злобу, мстящим – мщение, красивым – красоту. И мы с Силой делаем это вместе. Так легко и красиво. Мы смотрим в лица прохожих, мы видим, что ничего не отражается в них. А в нас все та же тоска, все тот же смех, все та же смерть.

Наши вены тоненькими волосинками сплелись в Гордеев узел и больше никогда не хотели расплестись. Так было всегда. Сила всегда говорит, что мы были вместе, даже тогда когда я плыла в твоих теплых объятьях, Сила где-то ждал меня.

Теперь, я и он, он и я, я и без тебя, ты и без меня, мы и амфетамин, крэк, кислота, героин... Объятия были такими правдивыми, а люди такими лживыми.

Как-то холодным декабрьским утром мы с Силой сидели у холодного берега неизвестного нам водоема, и он обнял меня так, как должно быть обнимает безысходность. По венам пробежало что-то вроде инея и захотелось навсегда уснуть так, не покидая его холодных рук. Как разительны в такие моменты воспоминания о твоих жарких, просто невыносимых тисках.

Глава 20

Поэзия

Как поэтичны бывают зависимые люди. Вы никогда не задумывались об этом? Неужели так и не поняли, что нет независимых? Зависимы все, только кто от чего: кто-то от денег, кто-то от близких, любимых, эгоизма, эмоций, лекарств, наркотиков. Как же все-таки поэтичны люди выбравшие последнее! Нет ничего более глупого и одновременно мудрого. Своим выбором они послали к черту все остальные зависимости, обдунив время, судьбу, жизнь, смерть и возможно, самого Бога. Они поставили на кон все, так и не осведомившись ни о чьем мнении. Теперь их жизнь полна волшебством, недолговечным, но крепким и ярким. Какая тонкость в этих руках, исколотых венах, грязных шприцах, больных невесть чем.... Эти люди поступились всем ради ничего, ради сна, дурмана, того, чего нет. Разве это не прекрасно? Этакий парадокс, все ради ничего. Но, сравним. Аналогично. Разве есть любовь? Любовь! В нее верят тысячелетиями, а между тем, это всего лишь игра нашего разума, издевательская выдумка богов, привязывающая людей друг к другу. Задумайтесь, что бы было, если бы не было пар, семей, свадеб, свиданий – мир бы просто погряз в похоти и удовольствиях. Любовь – зависимость, метод контроля над слабой чело-

веческой волей. Разве не прекрасно все это? Вам, наверное, не понравится. И многие в один голос заявят, что любовь, это высшее чувство, оно прекрасно и многое другое. Тогда я найду столько же тех, кто заявит, что кокаин не хуже любви. Разве что иногда дороже. Ради любви люди отдают все, наркоман – ради дозы. Ради любви люди сходят с ума, продают все что имеют, предают друг друга; наркоман – ради дозы. Только вот любовь обещает рай, но не дает его, она дозированно вливает в вас свои чары, вы то окрылены, то несчастны, то парите, то падаете, в итоге, рано или поздно, как и любой наркотик, любовь заканчивается или больше не действует. И вы начинаете медленно и мучительно умирать, проклиная себя, что ввязались в это. И чем тогда любовь лучше любой зависимости? Однако, есть одно разительное отличие. О любви нам поют в песнях, рассказывают в сказках и повсюду кричат о том, как она прекрасна. Мы одурманены, мы жаждем любить. В итоге, мы обмануты. В редких случаях, люди живут самообманом, думая, что любимы или любят, тут уж кому как удобно, но правда остается правдой, мы обмануты.

О наркотиках же, мы предостережены, мы знаем, чем все закончится, никто не обещает нам рая. И это подтверждают сотни могил и тысячи смертей. И скажите тогда, чей выбор мудрее? Неужели тот, кто, зная, сознательно выбрал наркотик глупее того, кто неосознанно тонет в любовной пене, так и не зная, что же дальше?

Я больше не задавалась этим вопросом, я сделала свой вы-

бор: и он был то розовым, то белым, то жидким, то сыпучим, то стремительным, то сонным. Никто не вправе упрекнуть меня, я знала, на что иду, и я решила на это. Что до того времени, потраченного на любовь. Оно потеряно навсегда, так и не сделав меня счастливой. Любовь – лжива, наркотики – честны. И теперь вглядываясь в тусклые глаза Силы, я четко осознавала, что сейчас, здесь и сейчас, и пусть никто не знает об этом, мои мечты сбываются, и я ни о чем не жалею. Как прекрасно и поэтично, взявшись за руки и сплетаясь венами рук гулять по пустым ночным улицам, улыбаться ветру и ни о чем не думать. Мир стал существовать отдельно от нас, так же как и ты от меня когда-то. Я больше не плакала о тебе, не молилась богам о твоей смерти. Мир шептался вокруг меня, а я словно глухая от рождения, никогда и не мыслила, о чем он пытается сказать мне. Я только знала, что рядом есть Сила и есть моя боль, моя невесомость, мое небытие и это было прекрасно. Впереди уже не маячила смерть, она была под боком и только ждала, когда я подмигну ей и она навсегда скроет меня от глаз людей и от собственных глаз. Смерть иллюзорна. И для каждого своя. Во всех смыслах. Кто-то ищет в ней покоя, а кто-то избавления. Мы с Силой уже не искали ее вовсе. Мы уже имели все, мы уже не хотели ни покоя, ни избавления. По сути своей, смерть идеальна, ибо любая жизнь хорошая или плохая, счастливая или нет, святого или грешника всегда имеет одно и то же завершение – смерть. Всегда красивая, все-

гда совершенная, она подкрадывается тогда, когда ты меньше всего ждешь, не любит, когда с ней шутят, однако, всегда ценит храбрецов, готова для них лавры пышных несчастий. Нет ничего, что объясняет, почему же люди так боятся и не любят ее. Пожалуй, можно сказать, что она просто непостижима человеческой природой, но как поэтична. Смертью заканчивается все, от прекрасных чувств, до приземленных желаний и ничто, никто не избежит этого финала. Поэтому наш с Силой поэтический мир никогда не был бы более идеальным, не присутствуя в нем сама смерть. Она готовила для нас очевидно особый сюрприз, бродя с нами рядом и наслаждаясь нашим мертвым существованием, вдохновляя нас и приободряя.

Глава 21

Духота.

Как же смешно видеть за чем так тянутся люди. Концентрация их на каких-либо чувствах просто феноменальна. Чего стоят только эти томные, полные страдания взгляды влюбленных, разлученных судьбой или глупостью друг друга. Боже, как я могла когда-то быть одной из них. Приторность твоего взгляда и сейчас живет в моем сердце и вовсе не ясно как она туда уместилась. Это же отвратительная степень эгоизма, просто его наивысшая точка, считать своей частью другого человека. Какая ложь, какой самообман, выдавать подобного рода чистый эгоизм за какую-то возвышенность. Просто тошнит от всего этого. Как прекрасен честный обмен похотью, никакого обмана! И кто сказал, что для того чтобы всего-навсего утолить свои животные инстинкты необходимо так долго морочить себе голову? Какая несусветная глупость! Люди просто слепцы если не видят очевидного. Для меня больше не стоял вопрос любви или влюбленности, симпатии или антипатии, оставалось только одно, страсть, похоть, инстинкт – называйте, как хотите. Теперь это было частью моей сущности. Как забавно и смешно то, что люди так носятся со своим телом, постоянно раздумывая и размыш-

ляя, кому можно подарить его, а кому нельзя. Да как же вы не понимаете, гнилость ваших душ вовсе не зависит от того, скольким принадлежало тело. Вы можете быть трупом и отгородиться каменной стеной и все равно продолжать гнить прямо изнутри, а можете быть небесным ангелом, все так же продолжая гнить. Глупейшее стремление на планете, распорядиться так жадно своим телом.

Никогда не оборачивайтесь на прошлое, только вы позволите себе это сделать, как оно с головой накроет вас и никогда, никогда с этого момента ваша жизнь не станет прежней. Прошлое разрушает изнутри, не дает нам дышать воздухом. Погружаясь в него, становишься словно водолазом, кислород которого так ограничен, что он вынужден быстро делать свою работу.

Глава 22

На крыльях.

Теперь все стало так, как я даже не мечтала. Шелковые, неживые прикосновения Силы словно одурманивали, нежные запястья и тонкие вены, колючие взгляды и болезненные слова. Не то чтобы мое существование стало вертеться вокруг всего этого... Просто в нем появилось много ритуалов способных поддержать во мне хоть какое-то подобие жизнедеятельности.

Холодным серым утром мы, взявшись за руки, бродили по хмурым аллеям городского парка, вдыхали влажный промозглый воздух и смеялись, не понимая ничего, что происходит вокруг нас. А вокруг нас неспешно опадали листья, кружились в замысловатом танце тени, спеша проходили первые прохожие, спешащие на работу, но мы не видели ничего этого. Вы скажете, что это любовь. Вот она радостная эйфория. Нет, это не любовь, это – наркотики. Волшебство. Вот во что способны они превратить ваше безликое существование, в поток эйфории. Гуляя, мы вдыхали воздух, который казался бесконечно прекрасным, приятным и свежим. Да, он не был таким, хоть и был утренним, он был, возможно, вполне обычным, но не для нас, не для людей, парящих

на крыльях.

Больше не вспоминаю ни чем, что было в моем прошлом. Меня словно полнит воздух, я словно пушинка, парю над всем и ничто не нужно мне. Небо поглотило меня и навсегда увлекло за собой. Вот оно, то чего я так долго ждала. Покой. Кажется, что только легкое дуновение ветра шевелит волосы на моей голове и я чувствую это как никогда, каждой клеточкой тела. Я чувствую холодную руку Силы, сжимающую мою, ловлю искры его холодных глаз и ничто не помешает мне. Наслаждение – вот оно состояние окоченелого трупа. Ты больше ничто, но еще продолжаешь существовать и обрывки чувств, все меньше доступны для тебя, но когда они все-таки попадают в твои руки, они невообразимо режут воображение.

Мои мысли прервались ребенком, стоящим напротив нас. В простых глазах ребенка отражалась не то любопытство, не то страх. Он стоял, опустив голову, руки его повисли словно у марионетки, ноги неуверенно были согнуты в коленях. И самое невероятное в нем было его существо, сквозившее в глазах. Как глубокие лесные озера их помнили надежда и разочарование, надежда на то, что еще будет и разочарование, которое нельзя понять. Трудно было не заметить, что разочарование наполнило его, страх сковывал подобно морозу. В этом холодном молчании было совершенно не ясно, откуда в душе маленького ребенка зародилась такая тишина. Он все продолжал смотреть. И стыд начинал бежать по холодным

рукам. Было не ясно и невозможно прочесть то, что кроется в них, но где-то в глубине заскобило уныние. В голове не утихали споры, возрождались все новые и новые вопросы о том кем могу являться я. Возможно, этот ребенок гораздо чище, чем я могу себе представить. Смотреть на него больше чем мучительно, я уже чувствую, как внутри меня поселяется его страх, его боль, его разочарование. Так и хочется отвести глаза. Наверное, прав тот, кто говорит, что в душе мы все дети. Я нетерпеливо одернула Силу. Мне так хотелось любить этого малыша. На вид ему было лет шесть-семь, положение его видно было плачевным, о чем свидетельствовала большая не по размеру и грязная одежда.

– Сила, мы должны ему помочь. – не ясно отчего во мне зародилась эта идея, может, мне просто было стыдно перед ним. Стыдно потому, что я разбрасываюсь тем, за что он бы возможно отдал многое. За жизнь, довольную и сытую; я изнываю в излишествах, много таких как я, но еще больше таких как он. Так неприятно стало, словно ту оставшуюся жалкую часть меня неожиданно похитили. – Сила, что ты молчишь? Ты что не слышишь меня?

– Слышу. Да. Если ты хочешь.

Мы подошли к ребенку.

– Дай денег! – рявкнул он словно собачонок.

– Ты получишь их, – ответил Сила, – но не сразу.

– И что я должен сделать?

– Как тебя зовут? – в глазах Силы вдруг зажегся огонь.

– Макс.

– Макс, пойдём с нами! Мы купим тебе шмотье, точнее одежду, ходим в кино, театр, Макдональдс. Куда там в общем ещё ходят с детьми? – его взгляд неожиданно направился на меня. И что-то было в нём. Что-то чужое для меня, по-настоящему незнакомое. Он вдруг взглянул на меня с такой нежностью, которой я раньше в нём никогда не замечала, затем, он будто бы опомнившись, снова обратился к мальчику., – так что?

– А мы можем пойти на аттракционы? – в его глазах заиграла маленькие искорки и в то же время недоверие, но было видно, как же хочется ему сейчас верить в чудеса.

– Все, что ты захочешь, но для начала, нужно отмыть тебя и приодеть. – закончил Сила.

И вот мы, с видом молодой семьи, держась за руки, отправились в красивый дом Силы. Там привели ребенка в порядок. Как трогательно было смотреть, как Сила аккуратно и внимательно причесывает маленького оборванца. Неожиданно это причинило мне жуткую боль, какую-то сладковатую и приторную, едкую и старую.

Всё было так, как хотела я, так как хотел Макс. В этот день не было счастливей ребенка, могу поклясться. Сила не пожалел ничего. Мы смеялись до упаду, скупили практически все игрушки, съели, наверное, тонну мороженого. Тот, кто смотрел на нас, наверняка воспринимал нас как счастливую семью и никто не знал как больно все это. Как печально

наше трио: два наркомана, ставших бездушными трупами и прожигающих жизни и бездомный, ничей мальчик, однажды поверивший в чудо и доверивший совершенно незнакомым людям свою жизнь. Как страшно было осознание того, что в моей жизни, измученной, скрученной волшебством, никогда не будет детских светлых глаз и радостных улыбок, что это все игра и фарс и никогда мне не исправить совершенных мной ошибок, да я и не хотела бы этого, и это было самым ужасным. Все, что заставляло меня баловать этого ребенка, было чувство стыда и вины, ведь я не могла предложить ему пустить по вене или вдохнуть пыли, это было бы слишком. Какой смысл был в этом нашем поступке? Сложно сказать. Мы чувствовали легкость, боль и от этого хотелось дать возможность полетать другим, возможно чтобы потом было не так больно.

Напоследок, Сила снял квартиру для мальчика, заплатив за нее за год вперед, вручил ему внушительную пачку банкнот, набил холодильник огромным количеством еды и сладостей, шкаф вещами на все случаи жизни, нужной или ненужной дорогушей техникой, игрушками и мы навсегда оставили Макса.

Спускаясь по лестнице, он спросил меня, довольна ли я. Я не ответила, потому что не знала.

Я вдруг осознала мучительность этой эйфории, заставляющей парить. Вот ты уже устал и выбился из сил, а продолжаешь парить и нет шансов вновь рухнуть мертвым грузом.

Если только в новое пасмурное утро, вдруг не вдыхать, не колоть и не глотать. Но разве было это возможным?

Глава 23

Улыбка.

Я улыбалась. Моя улыбка была словно трещина в потолке старинного дома.. Такие дома наверняка многие видели где-то на окраинах города или в забытых богом селах: дореволюционные с заколоченными окнами, всеми забытые, под снос. Дом вот-вот рухнет, похоронив под своими руинами чьи-то мечты, осколки старой покрытой толстым слоем пыли и плесени хрустальной и серебряной утвари. Но дом продолжает улыбаться. И чем ближе погибель, тем шире становится улыбка на потолке, тем больше вся мимика этой старой конструкции повествует о счастье, времени и забытье. Что можно найти в нем на минуту взглянув вокруг? В позеленевшей от времени рамке покоится почти уже желтая фотография молодой пары. Девушка выглядит совсем юной, а мужчина совсем счастливым. Они держат друг друга за руки, но по выцветшим глазам все же нельзя понять кто они друг для друга: муж и жена или же брат и сестра... Там же на искусно переплетенной веревочке висит красивый керамический горшок, изуродованный с одного бока огромной трещиной. Если смотреть на него только с одной стороны то можно вообразить, как красив должен быть тот цветок, который ко-

гда-то жил в нем. Возможно, это было что-то экзотическое, яркое и благоухающее, а может это была классическая роза или орхидея. Как знать. Однако уродливая трещина напоминает о том, что теперь в нем не может быть жизни. Даже если кто-то заботливой рукой отмоет его, заполнит землей, то все равно вода будет протекать через щель и земля крупинками будет покидать его лоно, так, что ни один цветок не выживет в нем. Заклеить ее не представляется возможным, она слишком огромна и слишком безобразна.

На противоположной стене нет ничего, кроме тусклых остатков от когда-то шикарных обоев. Еще видны огромные цветы и затейливые кружева. Многим приходилось распутывать подобные в течении всей своей жизни. В моменты, когда понимаешь, что все пошло прахом и совестливый ум предусмотрительно подсовывает к затуманенному сердцу то место, где ты оступился. Тогда конечно хочется вскрикнуть, иногда даже продать душу дьяволу, лишь бы исправить все. Распутывая завиток за завитком, мы начинаем понимать весь ужас происходящего, молимся и проклинаяем, ищем любые пути, чтобы все изменить. Только вряд ли время благосклонно к нам, не благосклонней чем к старому дому. Души ветшают, покрываются пылью и плесенью. Волшебными домами являются те, в которых царит уют и покой, дома в которых живут люди. Они любят свои дома, ремонтируют их, чинят, они ведут неустанную гонку со временем, упрямо демонстрируя ему, что любовь нельзя победить. Мой дом улы-

бался кривой трещиной потолка, оголял тысячи узоров на стенах, скрипел досками тлеющего пола. Если идти по нему неосторожно, то он вмиг провалится, и вы окажитесь ниже на этаж. И удивительно, и странно, но там есть уголок совершенно как будто не тронутый временем, если не считать паутину и пыль. В углу возле окна огромный мольберт с забытой картиной. На ней ребенок, улыбающийся, светлый. Картина не дорисована: один глаз играет светом, чарует чистым голубым цветом, другой все еще просто набросок чьей-то руки, бесцветный. Лицо, несмотря на это так прекрасно, что заставляет любоваться им часами. Мечтать о нем. Кто знает, может быть, он мог быть сыном. Тем чудом, которого так долго ждут и так отчаиваются не дождавшись. А может это чьи-то воспоминания о детстве. Кроме завитков есть в жизни и то, к чему так прикипела душа. То к чему, несмотря на время вновь и вновь возвращается наше сердце. Только время, насмешливо склонив голову, тикает часами, ударяя по вискам, и безмолвно повторяет, что ничего нельзя вернуть. И переживая счастье прошлого вновь и вновь, чувствуешь горестную потерю какой-то своей части. От которой остаются лишь пылинки. Как в старом доме. Когда луч солнца проникает сквозь грязные окна, они серебрятся в нем бесценные и неуловимые. Скрипит пол от чьих-то шагов, шире и шире становится счастливая улыбка, но все так же никто не находит здесь своего приюта.

Я улыбаюсь. Улыбаюсь так, потому что я такая же как

и все. Мои завитки уже почти стерлись, цветы потускнели, и сердце неустанно возвращает к моментам, которые нельзя забыть. Среди тысячи домов, мой дом, опустелый и старый, прогнивший и кривой, но все-таки дом. Дом, в котором должны жить, но ныне старый почерневший дом, полный призраков прошлого. Может поэтому в уголках у моих губ, прямо под улыбкой повисли тени. Я буду улыбаться и дальше, потому что знаю: перед временем равны все, оно не уступает и не дает вторых шансов. Смотря сейчас на все то, что я прошла, я понимаю, что рознит меня со всеми этими людьми в толпе. Я послала время к черту. Я больше не обращаюсь к нему на «вы», не молю его, не стараюсь замедлить его ход, я улыбаюсь ему. Не страшно принять все то, чему ты сам являешься хозяином и не важно, что это: завитки ли или цветы. Мир не делится на плохое и хорошее, времени плевать на сожаления и слезы. Оно ни смотря, ни на что продолжает идти, отделяя нас от самих себя с каждой минутой все сильнее и сильнее. Я сознаю теперь, что через каждую минуту или быть может даже секунду, я это уже не тот человек что был и больше не стану прежней. И поэтому тоже я выбрала улыбку. Мое время скоро закончится, как и у других, только я не буду вопить, топтать ногами, я буду смеяться. Пусть время примет меня такой же как и все, разрываясь от негодования что я принимаю его таким какое оно есть, не требуя от него замереть или вернуть меня в прошлое. Время, я люблю тебя.

Глава 24

Бог.

Прошу тебя, прекращай мне сниться. Иначе снова безумное горе твоих глаз заполнит мою пустоту. Мне не хочется чтобы ты снова был здесь, но откуда-то ты снова травмишь остатки моей души, сжигаешь мой кислород. По ночам я все так же вижу твои глаза. Только они больше ничего не значат. Так хочется расколоть свою голову. На куски.

Во что ты превратил мою жизнь? Я не могу больше думать, я больше не могу быть собой, внутренне я тихо презираю все то, что так когда-то любил ты во мне. Ни волосы, ни тело, больше не такие, какими ты их знал, не такие, какими ты их любил. Поэтому, наверное, глядя в зеркало, я не нахожу там себя. Оттуда смотрит на меня кто-то другой, кто-то чужой, я же – навсегда исчезнувший с этой планеты человек. Холодные, напуганные, мертвые не мои глаза. Поэтому, наверное, они так болят, болят по вечерам, так что хочется их вынуть. Я не могу слушать ничего долго. Звуки режут мой слух, словно тонкие лезвия идут по моим перепонкам и уходят прямо в голову. Ты мешаешь мне слушать, весь мир превратился для меня в скопище гнилых, подвальных бряцаний.

Во что ты превратил меня?

Смотреть на свои руки. Выше моих сил. Когда-то ты держал меня за эти руки. Когда-то эти руки знали твои, а теперь эти руки не знают ничего. Ничего, кроме того, что они больше не мои. Больше ничьи. Больно смотреть на вены и жилы, на кожу и пальцы. Они светятся своей бледной тонкостью, освещая своей тенью мою пустоту.

Страх наполняет меня. Все зеркала замешаны. Ненавижу зеркала. Они заставляют посмотреть на свои страхи. Я не знаю чего боюсь, но в зеркале меня ждет только ужас. А кого из нас не ждет ужас зеркала, которое как будто поглощает душу? Холодная гладь, но стоит подойти и она принимает твою форму, будто крадет то, чем ты являешься. Будто бы говорит с тобой. И ты слышишь, что оно все знает о тебе, о твоей жизни, словно проникает внутрь. От зеркала не скроешь ничего. Беспочинно тоска селась в каждого, кто хоть когда-то надолго засматривался туда. Оно не отпускает. Кажется, оно может выдать все твои тайны в два счета.

Когда Сила смотрит в зеркало, он каменеет. Кажется, он пропадает из этого мира. После, он уже не будет прежним. Зеркало – обиталище умерших душ, прошлого, не сбывшихся ветров, сомнений, горя, чьих-то грехов.

Больше никогда не хочу смотреть туда. Нет.

Если бы вместе, бог, если бы вместе. Ты знаешь, все бы было не так. Ты знаешь, что если бы ты не оставил меня, я бы знала – ты есть. Но теперь, я пообещала, что небо не мой удел.

Доброе утро, мир, я проснулась. Проснулась, чтобы доказать, что небо не мой предел, чтобы вы все знали, что нет ничего, ничего, кроме моей беспредельно пустоты, чтобы вы просто знали, чтобы на ваших лицах, и на твоём, бог, калёным железом отпечаталась моя боль.

Слабая, безверная, продажная, пустая. Истребить меня уже нельзя.

Бог, прости.

Кто ты в жизни этих людей? Надежда? Утешение? Безысходность? Смирение? Да этого ведь ничего и нет. Иллюзии. Люди питаются иллюзиями, словно бездомные обжоры. Новое поколение так ничего и не понимает, новая эра так и остается в неведении. Ни о чем не заморочены, все получают все. И всем плевать кто ты, всем плевать, кто они есть. Главное чтобы другие видели, кто они есть. Главное эмоции на лице, а не в душах. Главное подогреть интерес к своей персоне, а не свой интерес к жизни. Кого мы видим: целые расы лишь уравнены своей физической массе. Просто масса. Овощи. Жизнь для того чтобы много работать, много пить, много есть, много заработать. Бог, это не твое. Слово адекватность давно потеряло смысл, нет никакой морали, грани или границы.

Мы есть, или нас нет. Никто не знает. Только мы с Силой знаем, достоверно – нас нет. И поэтому никто не остановит нас, ни ты, ни твое небо.

Мы открываем тысячи дверей в никуда, половицы домов

скрипят под нашими ногами, небо плачет, над нашими головами, но мы все равно летим, словно кометы, поправ время, поправ мир. Мы вне мира. В нашей реальности, тепло смешано с осколками льда, а лед замороженная кровь убитых нами.

Все сложнее что-то увидеть. Пелена превосходства застилает наши мутные глаза. Я и Сила, словно стали едины, словно нас захватило и унесло на далекие берега, берега которых нет.

Бог, закрой глаза.

Омерзительность, порой качество, заслуживающее наивысших похвал. Мы были омерзительно прекрасны и прекрасно омерзительны.

Белые, сухие и холодные; грубые, нежные и легкие. Словно боги мы плыли среди толпы. Возможно, мы стоим гроши, но мы истые боги.

Как правильно отдавать миру то, что он требует. Как верно не стесняться того что уже есть в тебе. Ведь качества, заложенные в нас, плохие и хорошие, все уже заложены и с этим мы не в состоянии что-либо сделать. Пытаться искоренить в себе одно из них, это так же отвратительно как пытаться изменить свой пол.

Наши качества с Силой были божественны.

Я всегда была резкой, похотливой, вязкой и ядовитой, словно прогнившая душа французской куртизанки, повидавшей в своей жизни очень многое. Сила была холодным,

густым и задумчивым, как тень приближающейся смерти той самой куртизанки. И вот она. В предсмертном бреду. Задыхаясь, пускает свою последнюю слезу и посылает этот мир к черту. Все что она знала, отдала и делала, в этот момент теряет свою ценность. Боговерцы скажут: о нет, ее душа непременно попадет в ад. Ведь она развратница. Атеисты лишь покрутят у виска. И никто не знает, чем на самом деле была наполнена только что ушедшая жизнь. Тоской ли, болью ли, похотью ли. Возможно всем вместе.

В закатившихся глазах едва можно видеть усталость. Только усталые боги прошуршав ее платьями, скажут вам, что да, тело весьма изношено, а потом, заглянув в пожелтевшие белки ее глаз напомнят, что жизнь дается лишь раз и не стоит разменивать ее на сомнения.

Смерть, унесшая ее душу будет долго и нежно улыбаться ей, словно ребенку.

Им хорошо вместе. Они боги.

Никто не решал этого, стоимость души вовсе не в ее весе, не в человеческих моралях, догмах. Стоимость души в ее свободе, в ее воле делать то, что так хочется.

Свобода – понятие абстрактное, но одновременно с этим самое осязаемое из всех. Когда ты свободен, ты – Бог. Ты сам себе третейский суд, рай и ад.

Когда ты свободен, нет ничего и никого, кто может остановить тебя.

Мы одинокие боги, парили среди вас, кружились и непре-

станно смеялись.

Глава 25

Выбор.

Возможен ли выбор в этой жизни или все предрешиено уже тем где и как ты родился? Играет ли роль, что ты будешь выбирать, если ты родился мертвым душой?

Выбор. Пожалуй, есть только одна его единственная форма. Мы можем выбрать лицемерие или честность. Жить по общественным канонам, канонам религии, мировой философии, социума или жить так, как диктует тебе твоя сущность. Мы выбрали второе. Все остальное лишь пошлая иллюзия. Разве мы выбираем, где нам родиться, в какой семье и кем? Разве мы выбираем то, какие качества будет включать наш характер, чего мы будем бояться, что мы будем любить, когда и как нам умирать. Ничего нельзя выбрать. Можно лишь быть честным по отношению к себе и миру или наоборот, скрываться под тысячью «но», «нет», «нельзя».

Как хорошо было знать это.

Глава 26

Лёгкость.

Дни неслись со стремительной скоростью. Никто не мог сказать, как вышло так, этим серым, пасмурным от вздохов, летом.

Я и Сила сидели, обнявшись, на прогнувшем подоконнике старого, почти развалившегося дома и мечтали, сплетаясь тонким хрусталем бокалов, о несбыточном счастье. Оно как ванильная сахарная вата оплетало нас дурманящей паутиной. Руки блуждали по исхудавшим телам и рисовали неведомые, сонные узоры. Такие узоры обычно рисуют дети на запотевшем окне: в них нет видимой картинки, но есть только им известный смысл.

Встретившись глазами, мы тонули в бездне пустоты, и тотчас же спешили отвернуться друг от друга, продолжая касаться ладонями, и все также ненавидя тот колющий иголками миг.

Наши мечты в эти дни были запутанны и еще более нереальны, чем весь существующий мир.

То нам казалось, будто мы дети, бегающие и смеющиеся, то, что старики, пускающие скупую слезу счастья на ладони крохотных внуков. Мир шевелился вокруг нас словно змея,

обвивающая тонкую шею своей жертвы, готовая в любой момент сжать ее до смертельного хруста. И мы знали это.

Каждый день, каждая минута были напоены тем сладострастным чувством безысходности, которое селится в души всех тех, кто, еще живя здесь, обречен умереть, так и не вдохнув своего первого воздуха. Каждый день начинался с нового безумства, мы как спортсмены в погоне за победой не брезговали никаким допингом и вовсе не боялись разоблачения. Финал не имел значения ни для нас, ни для публики, ведь у нас не было ни болельщиков, ни соперников. Мы были одни в нашем мире.

Сегодня, на этом черством подоконнике, венчающем нашу душу, мы сидели, словно близнецы, скованные цепями, и молились никому неведомым богам, молились, сами не осознавая этого. Мысли улетали далеко, по крови быстро бежала очередная дрянь и от этого становилось тепло и спокойно.

Никогда прежде мы не были еще так едины и спокойны. Я давно смирилась с тем, что каждый день приносит что-то новое, и каждый день все дальше уносит меня. Со временем все становилось быстрее, быстрее в моей крови и медленнее в моей голове. Руки стали непривычно легки, хоть так же непослушны, как и раньше. Словно тряпичная кукла мое костюмное тело висело на стульях, диванах, лестницах.... Словно запись старого диктофона звучал мой голос на улицах полных людей, в кафе, парках и аллеях.

Все неожиданно наполнилось ужасом в тот день, когда я

узнала, что ты жив.

Голова словно взрывалась изнутри каким-то непоправимым бредом. По стенкам медленно сползали тени прошлого, а в глазах мелькали то ли руки Силы, то ли мои собственные. Я падала и знала, что больше мне не подняться. Словно перины, невыносимо, дощатые полы приняли меня. Как хотелось сейчас упасть с высоких скал, исчезнуть, испытать смертельную боль.

Несбыточность твоей смерти шокировала меня в самое сердце. Вдруг, я поняла, что ты и не умирали. Как же стало больно. Я вновь ощутила твое предательство. Оно горячим потоком прокатило по венам и застыло где-то в районе сердца, продолжая невыносимо жечь все тело. Как никогда мне нужен был Сила со спасительными шприцами, таблетками, порошками.

И космос раскрыл для меня свои объятия.

Мы на зеленом лугу с высокой травой кружимся в бешеном танце. Красные маки, голубое небо, пряный, словно от корицы воздух. Такой воздух начинаешь бешено вдыхать, лишь только его учуяв. И стремительно, мы понесли вдаль, как два спутанных между собой горя, как две падающие птицы. Было весело и очень, очень плохо. Небо казалось болезненно бесконечным, и тонкие нити моего духа на моих глазах кто-то вытягивал, а я все пустела.

Как больно прежде сжимали твои руки. Каким одиночеством веяло от твоих объятий. Такая тоска заключалась в

твоих руках.

Я и Сила нас кружило в невыносимом вихре. Это было нечто новое, сильное. Что-то пульсировало прямо в висках, било прямо в пустое место, там где раньше было сердце.

Какая глупость существовать здесь и сейчас, если можно быть везде.

И днем и ночью мы были везде. Никто не видел нас, мы стали вашими страхами, сочащимися из усталых глаз, сжирающими вас изнутри. Мы больше не знали пощады, не различали сердец, съедая их пачками. Не хочу больше видеть ваших глаз, не хочу жалеть ваше жалкое племя. Мертвецу не интересно все это. И воздухом не надышаться и не проткнуть иглой от шприца небо, а так хотелось, и порой казалось, что скоро, вот-вот мне это удастся.

Та невесомость, что теперь текла по моим венам, была несравнима ни с чем. Было страшно и одновременно классно. Словно тысячи глаз наблюдают за тобой, хотят сожрать тебя своими огромными пастями, но даже дотронуться не могут. Словно миллионы жаждущих умирают в смертельной дреме, лежа прямо в целом озере чистой воды.

Я и Сила лежали, сжимая друг другу тонкие руки. Так начинался каждый день: с темного потолка нашей шикарной комнаты. Мы не знали что это так, потому что, только задрав голову, мы всегда видели все то же небо. Бесконечное, болезненно синее и немного озябшее под нашими мертвыми взглядами.

Как странно было начинать так день. Ни ваших убогих глаз, ни ваших костюмов. Только позже мы выходили из дома и смеялись, смеялись. Смеялись.

Только глядя вам прямо в лицо, мы видели, насколько вы зависимы от своих домов, любовников, денег, мнимых трагедий, радостей.

Вы ведь знаете на самом деле, что это иллюзии, но добровольно обманываете сами себя, валяясь в грязи словно свиньи. Мы же измазавшись по самые гланды, оставались все теми же. Поэтому мы знали все.

Глава 27

Полетели.

День начинался обычно, мы не знали что полетим, но Сила улыбался и смеялся не так как всегда. Он сказал мне, что ни одна убийственная дрянь не была так паршива как я для него. Для его иссохшего мозга я как горстка кокаина давала силу и власть. Силе. Я хуже всех вместе взятых людей, я лучше, чем можно было бы себе меня представить. В этот день, я улыбалась как никогда.

Два улыбчивых мертвеца. Мы, наконец, поняли, что нам пора, что смерть устала прикрывать нас свои плащом безжизненности. Нужно было распрощаться с вами раз и навсегда. Смерть счастливо смотрела на нас, а нам, уже давно мертвым не было страшно. Потому что ничто не страшит тех, кто давно уже жив одним кошмаром.

Утро было дождливым. Мы завернутые в плотные, жаркие одеяла, две скелетоподобных тени, лежали, уткнувшись холодными носами в твердые подушки.

– Сила, ты знаешь мои руки... они не слушают меня больше. Я вчера разбила три стакана и даже не заметила. Я держу их, а они падают... – смех накрыл меня и не дал досказать.

Мы смеялись вместе.

– А зачем они нужны? Зачем нам вообще все это? У тебя такие красивые руки! На них тонкие вены, а рядом звездочки от шприцов. Зачем нам стаканы?

Сила улыбался.

Мы встали, глядя друг на друга неотрывно.

– Ты должна поцеловать мать.

– Нет.

– Должна.

– Ладно.

Хлопковое платье поверх тени, плюс свежие румяна на белый мрамор лица. Скорость, ветер, приехали. Мама.

Смотрит, словно плачет всеми слезами мира. Какая же я...

– Мам.

Молчит и смотрит.

Сколько прошло времени с нашей последней встречи? Я не знаю. Знаю что моя тень для нее радость бесконечная, что она предпочла бы видеть меня такой еще тысячу лет, лишь бы я была рядом, лишь бы я плакала на ее плече. Только бы была.

А теперь она смотрела на меня, и мой мир рушился еще быстрее, чем прежде. Так четко чувствовалась ответственность за ее грустные больные глаза. Так терло там, где раньше было сердце. Глаза оставались холодными, словно замороженная рюмка.

Мы говорили долго, тихо и бессмысленно. Она явно пони-

мала, зачем я пришла. Она ломала руки, сжимала мои тонкие пальцы, шептала, крича всем сердцем. Самое страшное, что ничто не шевельнулось во мне. Мертвецы таковы.

Вечером встретились с Силой.

– Ну как? – спросил он.

– Хорошо – улыбнулась я.

Потом свесив ноги, мы сидели, охлаждаясь тонкими глотками абсента и, казалось, что ни одна крыша не будет выше нас. Сила посмотрел на меня словно впервые:

– Ты знаешь, мне нравилось быть рядом, но ты исчезаешь. И скоро исчезнешь. Как я. И это никак не объяснить.

Он достал из дорогой, пахнувшей кожей сумки полную смерти стекляшку. Улыбнулся, ласково провел по ней.

Мир развернулся к нам в этот момент. Мы многое могли сказать ему.

Его серость, мешала нам. Мы дарили друг другу солнце, а в нас просто не верили, но мы и не помнили об этом. Целые нации горели в огне нашего бреда. Мы знали наизусть, что думает каждый. Наша любовь была бесконечна. Мы улыбались и молчали. Сила улыбался склянке, а я Силе.

Ласковая улыбка сползала по склянке прямо на меня. На мои глаза. В мои глаза. Сила все знает обо мне.

Мы решили порвать цепи. Разрушить заборы, укрыться облаками. Раз и навсегда. И впереди было только ничего.

Теплые шприцы были наполнены, руки были так же холодны.

Тонкие вены заботливо перевязаны тонким жгутом, улыбки только ласковее. По венам холодное. Мурашки.

Облака над нами мерно розовели. Улыбки плыли куда-то мимо нас. А мы лежали на песке, чувствуя, как каждая песчинка нежно щекотит прогнившие души и вбивается прямо в соленые раны между лопатками, там, где пробиваются крылья. Становилось тепло, легко и красиво. Небо приблизилось к нам, и мы дотронулись до него грязными ладонями. Наконец-то. Небо. Полетели.

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора, с использованием личного фотоархива автора.